

АРТЕМ РИМСКИЙ

СТЕНЫ

Артем Римский

Стены

«Издательские решения»

Римский А.

Стены / А. Римский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938368-6

Эта книга не о любви и не о вере. Эта книга, в которой любовь и вера выступили в роли необходимых инструментов, подобных перу и чернилам. Эта книга о тьме. О той тьме, в которой мы веселимся и смеемся, в которой любим и верим, в которой готовы умирать. О той тьме, в которой мы привыкли жить.

ISBN 978-5-44-938368-6

© Римский А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
АПРЕЛЬ 2015	9
Рассказывает Кэтрин Хейз	9
Из дневника Эммы Харпер	16
МАЙ 2015	22
Рассказывает Бенджамин Флеминг	22
Рассказывает Летиция Торрес	32
ИЮНЬ 2015	49
Рассказывает Антонио Сальгадо	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Стены

Артем Римский

© Артем Римский, 2018

ISBN 978-5-4493-8368-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первую очередь, автору хочется выразить глубокую признательность каждому участнику событий, описанных в этой книге. Нет, это даже не признательность, а искреннее восхищение человеческой смелостью. Смелостью распахнуть двери своей памяти, смелостью распахнуть двери своего сознания, и воскресить все подробности данной истории. А учитывая, что подробности порой носят характер чрезвычайно личный и даже трагический, мне до сих пор тяжело поверить, что каждый ныне живущий человек, чья фамилия будет фигурировать на страницах этой книги, все же дал свое согласие на ее написание. Да, я действительно восхищаюсь вами. Тяжело представить, через какие моральные пытки вам приходилось пройти, чтобы ваши самые сокровенные тайны, в которых вам и себе нелегко признаться, поднялись на поверхность вашего сознания и были запечатлены в письменном виде. И истинным вдохновением отзывается мотив, который заставил каждого из вас найти в себе смелость разделить свою личную, непохожую и застоявшуюся драму с миром, который, вполне возможно, не одобрит ваш порыв. Не верится, что всем вам совершенно безразлична судьба этого труда, не верится, что вы не воспринимаете всерьез все, что было вашей жизнью еще год или полтора года назад. А потому, как дань уважения вашему светлому безумству, эта книга посвящается всем вам в совокупности, и каждому в отдельности.

Разумеется, отдельной благодарности заслуживает человек, благодаря которому эта история не канула в лету, а обрела новую жизнь. Этого человека зовут Джонотан Хейз, и именно он, однажды заинтересовавшись личностью девушки, живущей по соседству, в течение полугода старательно воссоздавал картину этих удивительных событий. Если честно, трудно представить, каким образом Джону все же удалось это сделать; как он смог уговорить столь многих, совершенно разных, людей открыть завесы своих тайн. Вполне логично допустить, что уговаривать никого и не приходилось; что каждый человек, с которым виделся Джон, испытывал потребность освободиться от этих воспоминаний, вылечиться от них. Слово «вылечиться» весьма подходящее, учитывая специфический характер излагаемой истории. Наверное, именно приобретенная в процессе усталость и эмоциональная истощенность заставили Джона в итоге отказаться от личного авторства этой книги и весь накопленный материал (в виде груды исписанных страниц и диктофонных записей) передать в чужие руки. Сам же автор сумел побеседовать лишь с тремя героями этого повествования, в октябре этого года и очевидно, что его вклад в создание этого произведения не слишком весом.

Автор верит, что его литературные, художественные вкрапления в рассказы всех героев, только обогатят данную книгу. Согласитесь, крайне тяжело, спустя год восстановить в памяти мельчайшие подробности происшествий, а уж тем более, мельчайшие подробности своего эмоционального и мысленного состояний. Именно поэтому, чтобы повествование не потеряло своей красочности, автор взял на себя смелость, в некоторых моментах, дополнять сказанное героями рассказов, соответствующими потоками собственной фантазии. При этом ни в коем случае не искажая истинный образ участников событий или факты самих событий.

Низкий поклон всем, кто связан с этой книгой.

Справка

Сантория, официально – Санторийская федеративная республика – государство в Центральной Европе. По форме оно напоминает горизонтальный овал, неправильной формы. Практически вся территория Сантории покрыта лиственным лесом, юго-западная часть увенчана горным кряжем, северо-восточная – напротив, лежит на равнине. С запада на восток страну пересекает река Ситара.

Площадь Сантории – 33 141 квадратных километров.

Население – 5 342 171 чел.

Столица – Санторин, с населением 697 455 чел.

Сантория – это федеративная республика, объединяющая пять самостоятельных земель, одна из которых является столичным городом. Каждый административный субъект обладает собственными внутренними законами, однако, полномочия их ограничены федеральной конституцией.

Северный округ – Старая Сантория, с административным центром – Мэйвертон. В южной части Старой Сантории находится и столица государства.

Южный округ – Новая Сантория, центр – Санлайт.

Западный округ – Арстад, с одноименным административным центром.

Восточный округ – Каст, также с одноименным административным центром.

Сантория – парламентская республика. Главой государства является федеральный президент, избираемый сроком на четыре года. Органом исполнительной власти является Федеральное Правительство, во главе с премьер-министром. Парламент Сантории – двухпалатное Федеральное Собрание, состоящее из Национального Совета (130 депутатов), избираемого всеобщим голосованием, сроком на четыре года, и Федерального Совета (36 депутатов), избираемого органами власти округов. В основе политики Сантории лежит двухпартийная система. Основные конкуренты на внутренней политической арене – Санторийская народная партия и Либеральная партия республики Сантория.

Высшая судебная инстанция – Верховный Суд Сантории. Смертная казнь отсутствует во всех субъектах государства.

Сантория является членом Организации Объединенных Наций, и членом Шенгенского соглашения. Однако, объявив по примеру Австрии и Швейцарии о постоянном нейтралитете, она не входит не в один военно-политический блок. Также Сантория не является членом Европейского союза – за сохранение независимости экономики и национальной валюты на всенародном референдуме проголосовало 69% населения страны.

Вооруженные силы Сантории состоят из сухопутных войск и военно-воздушных сил. Общая численность армии – 34 000 человек. В Сантории действует закон о всеобщей воинской повинности, срок службы – шесть месяцев.

Климат в Сантории – умеренный, с теплым, солнечным летом и мягкой зимой.

Официальный язык – санторийский. Находясь в центре Европы, эта страна стала центром пересечения различных культур и национальностей, и является примером расовой и культурной толерантности.

Официальная валюта – санторийский франк.

Крупнейшая религиозная организация – Римско-католическая церковь. Примерно 70% верующих – католики, в меньшей степени – примерно по 12% – православные и протестанты.

Сантория – развитая индустриально-аграрная страна с высоким уровнем жизни. Объем ВВП на душу населения составляет 67 тысяч долларов. Среди сильных сторон экономики – мощная текстильная и деревообрабатывающая промышленность. Очень развиты отрасли машиностроения и высокоточной механики. Также, несмотря на маленькую площадь, в Сантории процветает сельское хозяйство. Важным экономическим фактором является развитая сфера туризма – зимой это горнолыжные курорты на юге страны, летом – Карленское озеро с его живописными лесными пейзажами на севере.

Сантория – важный мировой финансовый центр, и входит в десятку стран – крупнейших экспортеров капитала.

Высоко развит уровень культуры и образования, в каждом крупном городе обязательно имеются театры, музеи, университеты. Шедевром архитектуры классицизма является здание филармонии в Касте, модернизма – театр Оперы в Мэйвертоне. В стране несколько като-

лических храмов эпохи барокко, во многих городах Старой Сантории сохранились мелкие архитектурные памятники средневековья. Квартал «Старый Город» в Санторине, замок Арстад и многие другие исторические объекты Сантории объявлены организацией ЮНЕСКО памятниками мирового значения.

Но главной достопримечательностью Сантории являются люди, которые ее населяют. Люди – самое крупное богатство любого государства на планете, в том числе и Сантории. Перипетии судеб, темные закоулки сознаний, мысли и поступки. Мотивы, которые порождают желания и стремления. Желания и стремления, которые порождают пути и средства. Целый мир, замкнутый в каждом отдельном человеке; спектакль, разыгрываемый на сцене человеческого миропонимания; роль, ради которой каждый приходит в этот мир. Счастье и горе, любовь и ненависть, добро и зло – все вечное, что можно найти в этом мире, без труда можно найти и в Сантории. Все, на чем стоит наш мир не обошло стороной и эту страну. Ежедневные постановки самого колоссального аттракциона – жизни. Ее индивидуальные сценарии – такие похожие и знакомые.

Вот, собственно, и все.

Добро пожаловать!

АПРЕЛЬ 2015

Рассказывает Кэтрин Хейз

Мы с Джоном – моим мужем, – переехали в новый дом в начале сентября четырнадцатого года. Получается, мои надежды на расположение Элисон Пейдж продолжались более полугода, до начала апреля, когда мне, наконец, стало ясно, что даже разговор с Элисон – это роскошь, которой устаиваются совсем немногие. Практически никто. Объяснила мне это она сама, да так, что эта беседа, из-за которой, собственно, я и рассказываю сейчас свою часть этого повествования, крепко засела в моей памяти.

Живописная местность, в пятнадцати километрах юго-западнее Санторина, на южном берегу Ситары – прекрасное место для творческого затворничества, на которое обрекала себя эта двадцатитрехлетняя очаровательная девушка с золотистыми волосами, нежными чертами лица и глубокими зелеными глазами, зачастую выражавшими совершенное равнодушие ко всему окружающему. Домов в том краю достаточно, но все они находятся на расстоянии не менее чем в полкилометра друг от друга, и когда я впервые увидела Элисон на ее участке, то искренне порадовалась, что моими ближайшими соседями будет не только пятидесятилетняя супружеская пара (родителей Элисон я заметила еще раньше), но и девушка, которая всего-то лет на пять младше меня. Эта радость продлилась не долго, до моего первого визита вежливости к новым соседям. Конрад и Марта произвели на меня самое благоприятное впечатление, но вот их дочь, которая интересовала меня куда сильнее, едва удостоила меня пятью минутами своего присутствия, после чего поспешила скрыться на втором этаже – либо в своей спальне, либо в мастерской. Но даже те пять минут, которые я имела честь наблюдать эту девушку, сразу показали мне, что передо мной человек незаурядный, и, – теперь уже я могу сказать и так, – человек, который что-то знает, но молчит. Единственным словом, которое слетело с ее губ во время нашего знакомства, было ее имя; кроме этого она не обмолвилась со мной ни словом; даже не извинилась, когда ей надоело мое общество, а просто молча, встала и ушла, сопровождаемая укоряющим взглядом своей матери.

– Извините ее, – неуверенно пробормотала Марта, – она сейчас полностью погружена в работу над новой картиной.

– Это все объясняет, – улыбнулась я, намекая на природную чудаковатость творческих людей.

Мне почему-то сразу показалось, что Элисон во многом ретировалась по причине нежелания говорить о своих картинах, разговор о которых, несомненно, зашел бы, останься она в гостинной. Я, в свою очередь, почему-то сразу догадалась, что творческий человек в этом доме живет лишь один, а потому все разговоры об искусстве, скорее всего, сводятся здесь к банальной похвале. Когда же, в течение незамысловатой беседы за чашкой чая, я узнала, что Конрад инспектор полиции в отставке, а Марта совсем недавно покинула пост государственного обвинителя, догадки мои укрепились. В гостинной картин было три. Все были написаны масляными красками, размер полотен составлял примерно семьдесят на семьдесят сантиметров. Первая картина, на которой я задержала взгляд, изображала двух средневековых воинов на фоне степной грозы, а напротив них трех отвратительных ведьм – это была сцена из «Макбета» Шекспира. Рядом висело полотно, являвшее зрителю Рафаэля де Валантена, с неподдельным ужасом смотрящего на жалкие остатки шагреновой кожи в своей руке.

– Вам нравится? – спросил отец девушки, и в голосе его я ясно услышала гордость.

– Очень нравится, – честно ответила я, разглядывая лицо Рафаэля, и отмечая про себя, что тот самый ужас, так четко написанный в глазах героя картины, вызывает невольные ассо-

циации с покойным отцом моего мужа. Тяжело умирая от рака легких, он не скрывал, что очень боится смерти, и порой этот страх, неминуемого и уже предрешенного конца, очень ярко проступал в его глазах.

Не оригинальность сюжетов, ни техника, ни игра красок поразили меня в картинах Элисон. Меня поразила жизнь, которая заключалась в этих полотнах, ставивших на паузу то или иное литературное произведение, поразила совершенно необъяснимая независимость этих полотен от их первоисточников. Словно Шекспир, Бальзак и Флобер увидев картины Элисон, вдохновились на написание своих литературных шедевров, но совсем не наоборот.

Я встала с кресла и подошла к третьей картине, на которой, как я догадалась, была изображена Эмма Бовари, с грустью вззирающая на свой сад сквозь открытое окно.

– Эти картины заслуживают внимания, – сказала я.

– Жаль только наша дочь его не жаждет, – усмехнулся Конрад. – Ни внимания, ни признания, ни славы.

– Почему же? – спросила я, всматриваясь в лицо Эммы. И странная мысль пронеслась у меня: не с себя ли Элисон писала этот портрет – не в плане внешности, а в плане эмоций, что царили в художнице во время работы? Не свои ли серые дни она хотела показать в образе женщины, которая старалась развлечь себя, рассматривая сад за своим окном? Не свои ли высокие, но не оправдавшиеся надежды, не свои ли амбиции, разбившиеся о реалии жизни, не свои ли стремления, которые шли врознь с характером, изображала Элисон?

– Да кто ее знает, – тем временем ответил Конрад.

– Говорит, что ей не интересно, – поправила жена, – просто нам это сложно понять.

– Мне тоже, – улыбнулась я, обернувшись на супругов, а когда вновь взглянула на картину, то в правом нижнем углу увидела и подпись: Элисон Пейдж. Я немного удивилась, ведь родители девушки представились мне как Конрад Бергер и Марта Бергер. – Ваша дочь замужем? – о тактичности я вспомнила уже после того, как задала этот вопрос.

– Простите? – переспросила Марта, словно не поняла вопроса.

– Элисон Пейдж, – я вновь повернулась к своим новым знакомым, с самым наивным выражением лица указывая на подпись.

– Ах, – неловко улыбнулась женщина, поняв, о чем речь. – Нет, они уже почти год в разводе. Эли просто решила сохранить фамилию бывшего мужа.

В общем, личность Элисон заинтересовала меня с момента знакомства, вполне возможно, в первую очередь тем, что сама Элисон, казалось, не была заинтересована ни в чем. Кроме того, можно сказать, что я сразу стала поклонницей ее таланта. Однако очень скоро я поняла, что завязать с Элисон дружбу задание трудновыполнимое, ввиду абсолютной замкнутости этой девушки. Нужно было видеть, сколь сконфуженными выглядели ее родители, когда пришли к нам с мужем на приятельский ужин, приглашение на который и было моей целью во время визита в их дом, и приглашение на который было проигнорировано их дочерью, сославшейся на недомогание. Надо сказать, что Конрад и Марта всеми силами старались дать мне понять, что поведение их дочери в моем отношении – не частный случай, что они и сами очень заинтересованы в более тесном общении Элисон с окружающим миром. Я же, в свою очередь, проявила настойчивое, и, надо сказать, совершенно искреннее желание, познакомиться с остальными картинами Элисон Пейдж. Когда же я сказала о том, что нам с мужем, как профессиональным журналистам, ничего не стоит обратить внимание некоторого круга общественности на их дочь, в глазах родителей девушки я увидела неподдельный восторг, вслед за которым последовало ответное приглашение о совместном ужине в следующие выходные.

В этот раз Элисон хоть и присутствовала, но продолжала всем своим видом выражать внутреннее напряжение. Не неприязнь, а словно крайнюю степень недоверия, через которое она не в силах переступить. Тем не менее, она (скорее по принуждению совести, чем по желанию) показала нам свою мастерскую и остальные одиннадцать картин – оконченных или в ста-

дии доработки. Все они были на тему литературы, и все производили немалое впечатление. Меня особо поразила «Смерть Рокамадура» по роману «Игра в классики», а Джону пришлось по вкусу «Ужин со свиньями» на тему «Скотного двора». В то время как родители девушки светились от гордости, предвкушая будущую славу своей дочери, сама Элисон продолжала сохранять совершенное равнодушие в отношении положительных оценок своего таланта. Становилось ясно, что девушка принадлежит к той когорте творцов, которых, по сути, интересует только сам процесс работы, для которых этот процесс стоит в одном ряду с едой, водой и кислородом. Наше предложение об интервью и небольшой статье о ней, как о начинающей художнице, с приложением фотографий картин, казалось, ее вовсе не заинтересовало, хоть она и обещала подумать. В принципе, этого хватило, чтобы мне стало понятно о нежелании Элисон заводить тесные контакты. И хоть, я человек настойчивый, и очень люблю располагать к себе других людей, все же, приходилось признать, что в данном случае от этой мысли придется отказаться.

Два моих последующих приглашения в гости она проигнорировала, да и ее родители, по всей видимости, стесненные подобным поведением дочери, также не стали развивать приятельские отношения. Если мы с Элисон пересекались вблизи наших участков, она старалась поскорее покончить с приветствиями, вопросами вежливости и прощаниями, и вновь остаться наедине со своими мыслями. Меня это поражало. Молодая, красивая и талантливая девушка, живущая подобным образом жизни, вдали от города, и практически в одиночестве. Я такого просто не встречала. И сколько я не пыталась найти ответ на вопрос, почему же Элисон Пейдж уходит от жизненных страстей, почему сторонится людей, я находила этому только одно объяснение. Брак. Что-то подсказывало, что-то в самом ее взгляде говорило мне, что нынешнее состояние не является для нее привычным с детства, а уходит корнями в некий жизненный перелом. Как мне казалось, причины ее образа жизни, источник этой затяжной депрессии (а, как ни крути, это не что иное, как депрессия) кроются в ее бывшем замужестве. Знаю, что я не ошиблась. Но об истинных причинах, разумеется, я не могла даже догадываться.

Над моим предложением Элисон думала полгода, и напомнила мне о нем в начале апреля, когда я уже и сама забыла о нем. Все это время я больше не навязывалась, хоть мое сердце продолжало быть открытым для этой девушки. Было в ней что-то... нежное, еще словно детское, и в то же время, успевшее испытать на себе силу молота судьбы. Думаю, каждый хоть раз в жизни встречал подобного человека, всеми силами отстраняющегося, и тем самым еще более притягивающего к себе. О таких людях создается впечатление, что они несут в себе нечто неведомое нам, но просто не могут поделиться с нами этим опытом. Чаще всего, конечно, это впечатление несколько преувеличено, но в случае с Элисон Пейдж оно было преуменьшено в десятки раз. Эта девушка действительно была осведомлена.

Я удивилась, когда третьего апреля, в пятницу вечером, она встретила меня у моего дома и спросила, не слишком ли я буду завтра занята.

– Я хотела бы поговорить о твоём предложении насчет статьи обо мне, – пояснила Элисон, непривычно робко глядя мне в глаза. – Конечно, если оно еще в силе.

– Не вижу никаких преград, – ответила я с улыбкой на лице, при этом ясно ощущая, что эта затея приносит больше удовлетворения именно мне. – Пойдем, я угощу тебя кофе.

– Нет-нет, – запротестовала Элисон и попятилась. – Не стоит. Приходи завтра сама в любое время, ладно?

Я согласилась и с нетерпением принялась ждать следующего дня. Прямо чувствовала, что наша частная беседа окажется весьма интересной, и даст мне некоторую пищу для размышлений. Сейчас мне довольно лестно осознавать, что я оказалась тем самым человеком, которому Элисон хоть в некоторой степени смогла приоткрыть завесу своих страхов, пусть даже в самой мизерной степени. А на самом деле, даже страшно подумать, о чем этой юной и нежной

девушке приходилось ежедневно разговаривать с самой собой, пока ее одиночество, – от которого она особо и не стремилась уйти, – не достигло в ней точки кипения. И кажется мне, что и сама Элисон не вполне понимала, почему же ей, в конце концов, захотелось поговорить.

Когда же, вскоре после полудня, я явилась, Элисон встретила меня одна. Родители, по ее словам, уехали в Санторин, где собирались пробыть до вечера. Ничто во внешности или поведении Элисон не говорило о каком-либо волнении, наоборот, она была абсолютно спокойной и по-прежнему, словно не заинтересованной в происходящем. Уверена, она к этому не стремилась, но все же, я почувствовала неприятное ощущение, что именно мне делают одолжение.

– Как все это будет выглядеть? – помню, спрашивала Элисон, когда я делала снимки ее полотен.

– Что именно?

– Какие ты будешь задавать вопросы?

Я с некоторым удивлением коротко посмотрела на нее и пожала плечами.

– Ты можешь просто рассказать о себе немного. Рассказать то, что считаешь нужным. Я же не собираюсь писать твою биографию, Элисон. Это будет лишь небольшая статья, что-то вроде презентации.

– И где она будет опубликована?

– На официальном сайте телеканала, чьи интересы я представляю, в разделе «культура и искусство». Люди интересующиеся обратят внимание. Кстати, у тебя есть какая-нибудь личная фотография, которая тебе особо нравится?

– Найду что-нибудь. И что будет дальше?

Я посмотрела ей в лицо и увидела в глазах девушки легкий оттенок тревоги.

– Элисон, у меня такое ощущение, что вся эта затея тебе совсем не интересна, – беззлобно сказала я. – Не так ли?

– Не совсем, – потупилась девушка. – На самом деле, мне интересно, что другие люди смогут увидеть в этих картинах. Но...

– Тебе не интересно внимание?

– Да.

– Но почему?

Элисон улыбнулась уголками губ, и отвела взгляд.

– Это бессмысленно, – тихо произнесла она, а затем словно спохватилась и добавила: – Какой кофе ты пьешь?

– Черный, сахара на кончике ложки буквально.

Собственно, я и не собиралась вести беседу в форме интервью, а рассчитывала больше на дружеский разговор. Когда мы сидели в гостиной, друг напротив друга, я объяснила Элисон, что она никак не проснется знаменитой после моей статьи. Что, максимум, на нее обратят внимание люди интересующиеся живописью, но их интерес вряд ли перевернет ее жизнь с ног на голову. Такой расклад, казалось, устраивал девушку, и она вновь погрузилась в свое спокойное равнодушие.

– Как давно ты пишешь? – спрашивала я.

– Месяцев девять, может чуть больше. То есть с серьезным подходом. После развода, в общем, – без стеснения объяснила Элисон.

– А ранее?

– Ну, я хоть и всегда интересовалась искусством, и даже три года училась в Санторинском университете искусств, но не думала, что живопись когда-то станет моим основным занятием. Это было больше похоже на хобби. И учиться мне было лень. Поэтому, когда вышла замуж, то бросила учебу, считая, что жизнь моя отныне устроена. В принципе, так оно и было, – задумчиво добавила Элисон, все более подкрепляя мои догадки. – В профессиональном плане

меня больше интересовала литература, к тому же детская. Когда-то я мечтала о славе Джоан Роулинг.

Повисло неловкое молчание. Мне показалось, что девушка ждет от меня следующего вопроса.

– А чем занимался твой муж?

– Криптологией. На частной основе.

– Интересно, – улыбнулась я.

Тут Элисон пристально посмотрела мне в глаза, и скажу честно, мороз пробежал по коже от ее взгляда. Было невозможно представить, что столь милое создание способно так прожигать глазами.

– Более чем, – ответила Элисон, едва заметно улыбнулась и отвела взгляд. – Не нужно только писать о моей личной жизни, ладно? – почти шепотом произнесла она.

– Ладно, – согласилась я, все еще чувствуя неприятное ощущение от ее взгляда. – Ты выросла в этом доме? – спросила я, чтобы разрядить обстановку.

– Нет, что ты! – девушка усмехнулась. – Родители купили этот дом, когда выдали меня замуж. До этого мы жили в квартире, в самом центре Санторина.

– Ты не скучаешь по городской суете?

– Нисколько.

Мне показалось, что последний ответ Элисон произнесла так, словно говорила о неприятных воспоминаниях.

– Ну, а литература? Ты больше не хочешь писать?

– Перегорело, – девушка пожала плечами. – Это, как раз, и было чистейшим честолубием. И, сказать по правде, мне в некоторой степени даже стыдно за свои прошлые стремления.

И, все же, разговор наш был очень похож на интервью. И сделать с этим я ничего не могла, потому что ясно понимала: Элисон практически разучилась просто разговаривать. Или заставила себя забыть, как это делается. Закрыв свою душу на замок, она могла теперь только отвечать на вопросы. И я уверена: раз она все-таки выразила желание поговорить, значит ее сама такая ситуация уже пугала.

– Элисон, а можно задать тебе личный вопрос? – спросила я после короткого молчания.

– Да, – тут же ответила девушка, словно давно ждала именно такого вопроса.

– Ты была счастлива в браке?

– Очень, – серьезно ответила Элисон. – Очень счастлива.

– А что же случилось?

Она прищурилась, и словно с мечтательным выражением лица сосредоточенно посмотрела в пространство поверх моей головы.

– Развод был полностью моей инициативой. Я оказалась не готова.

– К семейной жизни?

– Да ну, – небрежно ответила Элисон и поморщилась. – К чему там можно быть не готовой? Нет. Я оказалась не готова к тому, что предложил мне Перри. Грубо говоря, я не оправдала его надежд.

– То есть? – удивилась я.

Элисон проигнорировала мой вопрос, и по выражению ее лица, можно было предположить, что она предалась приятным воспоминаниям.

– Ты говоришь о нем с такой нежностью, – сказала я, не дождавшись ответа на предыдущий вопрос. – Ты... все еще любишь его?

– Нет, – спохватилась Элисон и потянулась за своей чашкой. – Нет, не люблю. Но Перри действительно хороший человек. И талантливый. И, самое главное, действительно особенный, хоть никогда и не старался таковым прослыть.

Я невольно улыбнулась. Чем больше говорила Элисон, тем менее мне становились понятны ее мотивы.

– Почему же ты тогда так переживаешь?

– С чего ты взяла, что я переживаю? – на ее лице отразилось истинное непонимание.

– Ну, как же. Образ жизни, который ты ведешь, абсолютная замкнутость, – извини, если я говорю слишком прямо, – дают повод предположить подобное.

Элисон отрицательно покачала головой, и ответила с едва уловимой насмешкой:

– Мне больше не о чем переживать, Кэтрин. Никогда.

– Тогда в чем причина твоей аскезы.

– В том, что я боюсь.

– Чего?

– Кого – так правильнее. Тебя.

Такой ответ меня немало удивил, но еще до того, как девушка продолжила, я поняла, что в моем лице она обобщала.

– Панически боюсь, Кэтрин. Сию секунду, и внутри меня все дрожит, понимаешь?! – тут она откинула голову на спинку кресла, устремила взгляд в потолок и глубоко вздохнула. – И этот страх не перебороть. Что может означать любовь моих родителей, если эта любовь перебивается паническим ужасом? От которого никуда не деться? Я говорю с тобой, а страх только усиливается, потому что я не должна говорить с тобой о нем, понимаешь? И больше никогда не стану говорить. Просто... кто-то должен знать. Знать, одновременно ничего не зная.

– И так со всеми людьми? Без исключения? – осторожно спросила я, ни на секунду не сомневаясь, что эта девушка не преувеличивает.

– Без исключения.

– Но... почему? Что породило этот страх?

Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Изнанка человеческой души, – прошептала Элисон.

– Что ты имеешь в виду? – я заметила, как у девушки дрогнула нижняя губа.

– Ничего невозможного. Просто представь, что ты увидела картину, на которой изображено то, что мы привыкли именовать душой.

– Ты видела такую картину? – у меня должно было быть ощущение, что меня дурачат, но его не было. Вместо этого я чувствовала неосознанную тревогу.

– Это не просто картина. Это – стена. Подарок мне от Перри.

– И что он собой представляет? – даже не помню, какие ассоциации возникали у меня в течение тех минут.

Элисон шумно выдохнула, пытаясь таким образом объяснить, что лучше этого не знать. Затем открыла глаза, оторвала голову от спинки кресла и посмотрела мне в глаза. И в тот момент я четко увидела в ее глазах тот страх, о котором она говорила. На короткое время, но увидела. И страх этот просто невозможно описать привычными эпитетами.

– Стена – это душа наизнанку, Кэтрин, – был ответ.

Несколько секунд я пристально смотрела в ее глаза, пытаясь понять смысл этих недомолвок.

– Ты говоришь метафорами? – спросила я.

Элисон слегка улыбнулась и покачала головой с видом, что прекрасно знала, чем закончится этот разговор.

– Да, – ответила она.

Тут же, словно пожалев о всем сказанном, или устыдившись, она быстро встала, схватила кофейные чашки, поставила их на поднос и вышла из гостиной. Я провела в ее обществе еще около получаса, но больше мы не касались тем из ее прошлой жизни. Да, и в целом, разговор дальше не клеился. Попытались поговорить о предпочтениях в искусстве, потом Элисон,

скорее всего, ради приличия, поинтересовалась об особенностях моей профессии, но все эти попытки развить отвлеченную тему натывались в итоге на неловкое молчание и на такие же неловкие попытки его прервать. Скажу честно, мне было очень стыдно за себя. Уметь вести диалог – моя профессиональная обязанность, необходимый навык. И этот навык никогда ранее не подводил меня в беседе; во всяком случае, когда передо мной находился... обычный человек, скажем так.

Но, мы ведь знаем, что Элисон Пейдж – это не обычный человек.

Из дневника Эммы Харпер

18.04

Господи, как страшно. Господи, если ты слышишь, прошу тебя, помоги. Я никогда не просила. Просто помоги все это осознать. Я знаю, что уже ничего не изменить. Просто помоги принять это.

Прошло шесть дней, а Она до сих пор перед моими глазами. И не собирается покидать меня ни на секунду. Я боюсь закрывать глаза, потому что мне сразу мерещится суточная тьма! И мне кажется, что когда я открою глаза, как там, Она вновь будет передо мною. Я засыпаю только благодаря алкоголю. И я с ужасом представляю, что водка и коньяк кончатся и мне вновь придется выйти на улицу.

Позавчера я кое-как нашла в себе силы позвонить на работу и сказать, что сильно заболела. По правде сказать, я даже не представляю, что когда-нибудь вновь смогу работать и просто жить. Жить, как я жила до прошлой пятницы.

Я пишу, потому что невыносимо держать это в себе...

Но я не могу написать ни слова о главном...

Мне страшно. Господи, как же мне страшно. Скоро ночь.

19.04

Утро. Мне нечего есть. Вчера я съела последнее яблоко. И я уже пьяная, а водка отказывается помогать. Алкоголь помогает только уснуть, но нисколько не ослабляет удушающую хватку этого чертового знания. Да! Я теперь знаю. Я знаю то, что никому и никогда не приснится в самом страшном сне. Он смог. Он смог это сделать. Господи, этот человек. Кто он? Этот нежный, добрый и умный человек, кто же он? Как ему это удалось?

Как?!

Зачем ему это удалось?

Я любила его. Черт возьми, какая же духовная нищета! Я всего лишь любила его так, как миллионы женщин любят своих возлюбленных! Эта нищета единственное, что я смогла ему предложить, считая, что делаю его бесконечно богатым! Но когда он преподнес свой подарок!

Клянусь, я больше его не люблю. Это невозможно. Это ничтожно мало, это постыдно для ответа. Я никогда не думала, что я такая нищая. Клянусь, я готова продать любовь за бутылку коньяка. Она оказалась таким малым, а казалась таким большим и желанным. Нет, наши души вовсе не нуждаются в любви, есть что-то большее. Любовь не платье для души, она – носок. Нет, даже не носок, потому что носок – необходимость. Любовь – это бесполезная брошь, приколотая в область груди.

Вечер. Мне кажется, я смогла немного успокоиться. Я очень голодна, но не могу найти в себе силы встать с постели и сходить в магазин. Но это просто необходимо сделать, потому что алкоголь перестанут продавать через полтора часа.

Он не звонит уже третий день. Спасибо! Спасибо, что он все понял. Он не мог не понять. Он все понял на следующее же утро, когда я наконец смогла встать с постели и осознать, что мне больше нет места рядом с ним. Он понял то же самое. И даже когда утешал меня, когда звонил и уверял, что я все не так поняла и поспешила, он уже знал, что я просто еще один кусок пустоты. Я увидела этот приговор в его глазах уже тем утром.

Я кусок пустоты! Я кусок гребаной пустоты! Это в меня кричат в отчаянии!

А что вам известно об отчаянии?!

20.04

Надо голодать. Вчера вечером мне показалось, что я смогла успокоиться, потому что меня отвлекало чувство голода. Но стоило мне поесть, как все началось с удвоенной силой. Тьма! Тьма! Тьма! Вспышка света! И Она перед моими глазами. Разгадка тайны человеческой природы!

Я едва смогла вчера выйти на улицу и дойти до ближайшего гастронома. Я тонула в пустоте! Я была окружена такими же кусками пустоты, какой являюсь сама. Почему пустота?! Почему, если на Стене я увидела и себя? Если увидела каждого, кого встретила вчера на улице?! Если Стена отразила нас всех? Потому что я не в силах принять увиденное! И я вижу в глазах людей, что они тоже не в силах!

Я. Не. Могу. Я не могу поверить, что все это живет во мне. Я не могу принять себя такой. А значит, я стремлюсь к пустоте, к собственному ничтожеству.

Я купила вчера три бутылки водки и три бутылки коньяка. Немного еды. Одну бутылку коньяка я выпила за вечер и уснула в первом часу ночи. Черт возьми, я не могу забыться даже в состоянии крайнего опьянения, мозг продолжает работать ясно.

Сука, как выжить?! Я боюсь сойти с ума. Я боюсь жить. Я боюсь умереть. Я боюсь людей. Я стараюсь уверить себя, что я пуста, но знаю, что это не так. Теперь я знаю, что я скрываю внутри. Я знаю свою собственную душу. Я знаю каждого! Я знаю, из чего состоит эта планета! Я знаю, где центр человеческой природы! В подвале дома на улице Иоганнеса Брамса! Там живет каждый из нас!

Я боюсь себя! Я не могу!

21.04

Ночь! Я не могу. Я хочу что-то сделать, чтобы перестать помнить и понимать. Я пью из горла, но меня не вырубает! Мама! Мамочка! Малыш! Помогите мне! Господи! Дай уснуть. Умоляю, дай уснуть! Она не приходит во сне! Только наяву. Только сейчас! Умоляю. Дай уснуть.

День. Я умираю. Я боюсь этого. И знаю почему. Мне нужно, что-то сильнее алкоголя.

Под утро, когда я дрожала, сжавшись в комок, меня посетил один вопрос: может, я сошла с ума, когда сидела сутки в полной тьме и тишине? Может, все дальнейшее – это просто бред сумасшедшего и мне нужна медицинская помощь? Может, когда он вернулся, снял с моих глаз повязку и зажег свет, я уже была сумасшедшей? Могут ли двадцать четыре часа тишины, тьмы и страха свести с ума? Я ведь была напугана до того, что даже кричать не могла. И когда он говорил, что это только на сутки и для моего же блага, я была уверена, что он маньяк и что мне больше не жить. Конечно! Конечно, это более чем возможно! Я действительно могла сойти с ума!

Но нет. Я знаю, что я не сумасшедшая. Я знаю.

22.04

Вспоминала Мика Флеминга. Смог бы он принять это? Кажется, он единственный известный мне человек, который мог бы. Как он там? Моя студенческая любовь. Мик. Если бы тогда он понял, что я влюблена, если бы ответил мне взаимностью, я бы никогда там не оказалась, верно?

Не ем второй день, едва терплю, хотела даже выбросить всю еду, но не стала этого делать, чтобы лишний раз не выходить на улицу. Голод помогает. Образы пищи вытесняют из сознания все остальное. От алкоголя рвет, поэтому я почти трезвая.

Идея о чем-то серьезнее кажется имеющей право на жизнь. Например, мощные транквилизаторы. Но где их взять? Не представляю поход к психиатру, просто не представляю. Но, если бы была уверена, что он выпишет мне действительно что-то сносящее мозги, то пере-

силила бы себя. Но уверена, что для начала он выпишет мне что-нибудь самое безобидное, едва ли не витамины. И пока я голодная и могу не думать о Перри, не вспоминать его детище, мне нужно попробовать что-то придумать. Мне нужно в принципе придумать, как мне дальше с этим жить. Потому что смерть не выход.

23.04

Аскитал. Обшарила весь интернет в поисках подходящего препарата, желательно легального в Сантории и остановила выбор на этом самом аскитале. Жизнедеятельность на автомате и крепкий сон – так пишут о нем в интернете. Отзывы в основном хорошие, говорят, что подавляет стресс, гвоздит к постели и дарит легкую эйфорию. Это то, что мне и нужно сейчас. О работе я думаю в последнюю очередь. Вернее, вообще о ней не думаю.

Вечером я съела один сэндвич и выпила триста граммов коньяка, утром два стакана водки с яблоком. Но это не выход. Мне нужен аскитал.

Сегодня звонил Генри. Господи, какого же труда мне стоила моя напускная беспечность, особенно, когда он спросил о Перри. Надеюсь, что он мне поверил. Малыш, я люблю тебя, знай это, чтобы не случилось. И тебя, мама, очень люблю, несмотря на все наши размолвки.

Хорошо, что я алкоголичка. Я могу много пить и нормально это переносить на физическом уровне. Я так мечтаю о том чувстве унижения, которое раньше у меня вызывал каждый мой запой. Почему сейчас этого чувства нет даже близко. Потому что себя больше не обмануть?

24.04

Завтра я иду на прием к психиатру в частную клинику! Именно в частную. Прием – пятьдесят франков. Пусть только попробует не выписать мне этот гребаный аскитал! А что тогда? Господи, помоги мне выпросить аскитал. Прошу тебя. Я просто не могу вечно голодать и пить. Это не может продолжаться вечно.

Мне кажется, что я перестаю узнавать себя в зеркале. Перестаю быть собой, что вовсе не мудрено. Как же я боюсь сегодняшнего вечера. Мне ведь придется не пить и поесть, чтобы утром не было перегара. Если психиатр поймет, что я пью, хрен он вообще мне что выпишет, это сто процентов. А вид у меня для похода к психиатру, в принципе, подходящий.

Клиника далеко. Придется сесть за руль. Чувствую, что в общественном транспорте не выдержу и десяти минут. Так забавно. Завтра я буду строить из себя несчастную отчаявшуюся девушку в клинической депрессии перед человеком, которого буду видеть насквозь. Буду говорить, что пережила сильнейший стресс в личной жизни, что ранее уже пребывала в эндогенной депрессии, и что помог мне только аскитал. Врач, конечно, может попросить историю болезни, но та ведь осталась в Касте. Не знаю, короче. Все, что мне остается, это просто надеется на успех.

Все это мелочи. Самое страшное – это сегодняшняя трезвая, сытая, и, скорее всего, бессонная ночь.

25.04

Вот она – ночь. Вот она – Стена. Такого ада в моей жизни не было еще никогда. Я просто не могу встать с постели, алкоголь выходит с холодным потом. Трезветь без сна – это ужасно; меня знобит и бросает в жар, и мне кажется, что я вижу какое-то лицо. Стоит мне сосредоточить взгляд на некой точке пространства дольше, чем на пятнадцать секунд, и начинают проявляться очертания белого, как снег, лица. Лицо это круглое, с кроваво-красными губами, без носа, а левая щека покрыта мелкими крапинками крови. Глаза тоже красные. И ухмылка – губы все растягиваются и растягиваются, словно эта маска едва сдерживает надо мной смех. Это ужасно, но не так ужасно, как лежать с закрытыми глазами и вновь видеть тьму, за которой Стена. Твою мать, как дрожит рука, я едва могу писать – карандаш так и норовит выпасть.

Я молюсь уснуть, но знаю, что это тщетная попытка, и лучше даже включить свет. Телевизор не то, что не успокаивает, а лишь раздражает. Думала, что если буду писать, то станет легче, как Миранде в плену у Калибана. Ни хрена! Мой плен слишком отличается от ее плена. Я в клетке собственной души, где слишком много ответов. Я молюсь Господу, а такое ощущение, что целую ноги Дьяволу. Мне бы только уснуть. И проспать до самого утра. Выпить хочется так, что, кажется, тело перестанет повиноваться мозгу, ноги сами отведут на кухню, а руки сами залиют в рот это мелкое спасение. Нельзя.

Задумалась, что еще сказать, и с противоположной стены на меня вновь поглядывает это странное, и не такое уж страшное, белое и окровавленное, столь развеселое лицо.

Почти два часа. Я едва смогла справиться с панической атакой. Не знаю, слышали ли соседи мои вопли, подавляемые подушкой, ныне разорванной моими зубами. Надеюсь, что нет. Я кричала минут десять, не меньше. Было желание начать крушить мебель и бить стекло. Я невероятно ослаблена, хоть и поужинала двумя кусками хлеба, куском бекона и картофельным салатом. Думала вырвет, но вроде улеглось. Откуда во мне столько силы воли, что я все еще терплю, хоть до бутылки с водкой несколько шагов? Это не воля, это страх и надежда. Надежда на этот аскитал, и страх, что надежда рухнет.

Ненавидела ли я его там, во тьме? Да, наверное. А потом? Потом, когда увидела, что ему удалось сделать? Я ведь сразу поняла, что ненависть и любовь это не те критерии, какими теперь можно оценивать этого человека. Потом, когда он провожал меня наверх, в спальню, поддерживая меня, чтобы я не рухнула без сознания, я уже не чувствовала к нему ничего, кроме осознания, что передо мной единственный в мире человек, которому удалось возвыситься над всеми этими привычными критериями. Потом было беспамятство, а когда я проснулась рядом с ним воскресным утром, и когда все же оказалось, что это был не сон, когда он улыбнулся мне и спросил, как я, что я чувствовала? Страх! Но боялась я не его. Себя? Мира? Жизни? Смерти? Безумия? Я до сих пор не могу понять природу этого страха, этого сжигающего страха. И склоняюсь думать, что все же это действительно страх осознания. Как если бы человек получил неопровержимое доказательство того, что согрешив хоть раз в жизни, ему придется вечно кипеть в адском котле. Страх того, что все увиденное мной действительно – правда!

Что я действительно соткана по общему примеру.

Изнанка человеческой души – вот что такое Стена.

Нет, никто из нас не уникален. Все мы подчинены единым законам. Душа, характер, внутренний мир, как угодно – все это математически точно, без исключения.

Он смог подвести природу человека под общие формулы, и какими бы ужасающими они ни были – они есть.

Только бы не увидеть его больше никогда в жизни. Я молюсь, чтобы он презирал меня. Чтобы не ненавидел, а презирал, чтобы никогда не пытался найти, чтобы при воспоминании обо мне, его выворачивало от отвращения. Чтобы сжег те мои немногие вещи, что остались в его доме. Но ведь я его никогда не забуду. Никогда. Пусть. Главное, больше никогда не посмотреть в его глаза, никогда не остаться рядом с ним, никогда в очередной раз не понять, что рядом со мной не просто человек, а симбиоз ангела и демона.

А может, он действительно сумасшедший? Злой гений? Он панически боится открытых дверей, и внутренних, и тем более, внешних. Пытался сдерживаться при мне, но у него плохо получалось. Если мы куда-нибудь отправлялись вместе из его дома, он, обязательно, выходил из уже заведенной машины и шел еще раз проверять, запер ли он входную дверь. Я знаю, что это обсессивно-компульсивное расстройство, но вроде бы, это не самая страшная болезнь.

А его депрессивная апатия за неделю до откровения. Три дня он со мной практически не общался, даже избегал и говорил, что хочет побыть один. А я видела, что на моральном

уровне с ним не все в порядке, но не придавала этому особого значения. А зря. Затем эта вспышка необоснованного гнева, мол, я проникла в его дом в его отсутствие! У меня и в мыслях такого не было никогда. У меня не было повода не доверять ему, и если он сказал, что хочет побыть один, я это прекрасно поняла. Чтобы идти к нему домой и уж, тем более, тайно в него проникать? Никогда не видела его таким, как в тот день. Таким... не то, чтобы злым, а возбужденным. Не одно мое рациональное объяснение не смогло переубедить его в том, что я пыталась за ним шпионить, и он так и уехал от меня уверенный в своей правоте, а я осталась в крайне сомнительных впечатлениях. А на следующее утро, в четверг, он приехал с цветами и подарками, с нежностью и любовью, и уже к вечеру я и забыла о его выходке, поспешив списать ее на стресс от переутомления. А через два дня он отвел меня в подвал. Интересно, все это был последовательный ход событий? Скорее всего, да.

Пять часов утра. Дважды я проваливалась в сон, по крайней мере, мне так кажется. Мне снилось, что я сплю. Стресс плюс синдром отмены – сны превращаются в адский кошмар. Границы между сном и реальностью стираются. То, что я вижу во сне, мне видится и наяву. Я бы в это не поверила, если бы сама не написала про белое лицо. А вот сейчас на стене прямо над моей головой висит маленький – ростом около двадцати сантиметров – китаец, и просто покатывается от смеха. Перекатывается по стене туда-сюда и опять же мне не так уж противно на него смотреть. Все что угодно, только бы не...

Вечер. У меня есть аскитал. Я выпросила. Не хочу говорить, о том, каких пыток мне стоило утром привести себя в порядок, выпить кофе, а уж тем более проехать по семь километров в одном и другом направлении. Психиатром, оказалась очень приятная женщина лет сорока пяти, и представляешь, я не могу вспомнить ее имени! Это поразительно. Наверное, мой внешний вид действительно производит сейчас самое угнетающее впечатление. Да не наверное, а точно! В общем, она даже не противилась моему выбору, и даже поверила на слово, что ранее я уже принимала аскитал. Еще бы, мать ее, она не поверила, пятьдесят франков за прием. Хрен с ними, с деньгами, оно того стоит.

В общем, купила я этот аскитал, и едва добралась до квартиры, чтобы не выпить его прямо за рулем. Она рекомендовала мне пить по одной таблетке три раза в день, но я сразу поняла, что одной мне не отделаться. Только вошла в квартиру, и выпила сразу две. Штука неплохая, похоже, что я не ошиблась. Мысли никуда не уходят, но стремительно теряют цену и актуальность. После третьей таблетки меня вырубил.

Господи, я спала почти девять часов. Сейчас поем, закину еще три штуки и вновь спать! Я никогда не думала, что буду так счастлива просто спать и не видеть никаких снов.

26.04

Утром я выпила только одну таблетку. Чувствую себя намного лучше и свежее. Я даже смогла убрать в квартире, проветрить ее и перестирать вещи. Нет, Стена никуда от меня не делась, и страх по-прежнему разрывает мою душу. Но, похоже, благодаря аскиталу у меня теперь есть шанс просто терпеть такую жизнь.

Почему даже на мыслях о том, чтобы поделиться этим знанием с кем-то другим, наложено некое молчаливое, но неопровержимое табу? Почему я понимаю, что никто не должен знать о том, что знаю я?

Вечер. Нет, три таблетки в день это явно мало. Я выпила еще одну и позволила себе пятьдесят граммов коньяка, чтобы уснуть еще крепче. Буду ложиться спать. Звонили с работы, я сказала, что через три дня буду в норме.

27.04

Проклятье! Что я натворила?! Я очнулась утром на полу, в луже рвоты и мочи! Я выпила почти бутылку коньяка и по количеству оставшихся таблеток, выходит, что я проглотила не меньше восьми штук! Я не помню, как я это делала! Совершенно не помню! У меня прикушена до крови нижняя губа, и синие ногти на указательном и среднем пальцах левой руки. В ванне сорвана шторка и разбито зеркало. Ноги странным образом не порезаны. Что я делала?! Как я до этого дошла?! Я помню только, что тяжело засыпала и решила сделать еще один глоток коньяка. И дальше все! Пустота! Сейчас уже четыре часа и мне лучше (потому что я под аскетизмом), но проснулась я в состоянии таком, словно меня через мясорубку пропустили. Такой поворот меня совсем не обрадовал. Я не хочу умирать, а ведь была в шаге от этого. Могло просто сердце не выдержать, могло дыхание остановиться. Могла просто захлебнуться рвотой. Это ужасно! Это страшно.

Пришлось вновь затевать стирку и уборку.

Сука, страшно. Я вылила в унитаз весь алкоголь. Надо сидеть на чем-то одном, и мой выбор – транквилизаторы. Пять-шесть таблеток в день, не больше. Смогу ли я работать в таком состоянии? Внимание рассеянное, как ни крути, и в сон клонит постоянно. Все равно, неважно.

28.04

Думаю, я смогу жить дальше.

МАЙ 2015

Рассказывает Бенджамин Флеминг

В общем, начинать придется издалека, чтобы вам было понятнее, каким мой брат подошел к своей роли в событиях того лета. Сейчас, когда нужно говорить о нем, честное слово, даже не знаю с чего начать. Вернее, как этот рассказ преподнести в таком свете, чтобы он пролил максимальную ясность на его личность. Хочется ведь, чтобы все звучало серьезно и воспринималось всерьез, но проблема в том, что я не воспринимал брата всерьез. Если быть искренним, то все его порывы и душевные терзания, всегда казались мне ребячеством, стремлениями буйной и романтической души. Да, мне сейчас непросто признать это, но Мик относился ко мне как к другу, я же с трудом могу сказать то же самое о себе. Тем не менее, я всегда желал ему добра и счастья, а те жизненные ситуации, в которые он сам себя загонял, казались мне, если не губительными для него, во всяком случае, неоправданно нелепыми. Он ведь всегда избегал ответственности и серьезности, ждал, пока все само сложится в такую картину, которую он нарисовал в своей голове, и нельзя отрицать, что эта черта его характера ярко проявилась со всей силой в той истории, ради которой, собственно, я все это и рассказываю.

Самое поразительное, это то, что дело тут вовсе не в страхе. Я уверен, что он просто стыдился быть непонятым или осмеянным, и этот комплекс чужого мнения доводил его до крайностей, не позволял делать ему решительные шаги. Стыд, а не страх, последствий своих поступков замыкал мысли и чувства на крепкие замки в его сознании, и чем дальше, тем упорнее. Я не знаю, можно ли назвать брата личностью с богатым внутренним миром, потому что я не понимал такого мира. Даже не стремился понять, меня отторгала такая жизненная позиция, я хотел видеть брата зеркально другим человеком. Я хотел видеть его прагматичным, рассудительным, знающим, чего он хочет. Я прекрасно понимаю, что жизненный путь человека – это его личное дело, и у каждого есть право выбора, но ведь он... мой брат. И в моих глазах его внутренний мир причинял ему больше страданий, чем счастья.

Мик образованный человек, у него обширный круг интересов, он умеет ясно и осмысленно выражать свои суждения. Но дело в том, что он дошел до того, что стыдился даже собственных мыслей, и не мог открыться уже никому. Разве что мне, да и то не вполне, несмотря на то, что с самого детства мы были достаточно близки. Еще задолго до мая пятнадцатого года – то есть до ключевых событий его жизни, – в то время, когда он был социально адаптированным человеком, уже тогда было заметно, что Мик склонен к замкнутости. Даже под влиянием алкоголя – а раньше Мик умел сохранять трезвость рассудка, несмотря на обилие выпитого – из него порой слова было не вытянуть. Ну, а если отмолчаться было просто невозможно, Мик просто начинал лгать. Просто сочинял на ходу, нес околесицу и я не знаю, осознанно он это делал, или просто его ставили в тупик ситуации, когда можно показать хоть часть себя истинного, и никто за это не осудит. В общем, Мик стыдился себя всегда и со всеми. Он умело маскировал свой стыд развязным поведением с девушками, умением поддержать – но не вести – диалог, манерой грязно выражаться, беззаботностью, имиджем прожигателя жизни. Но мало кто понимал, что это лишь маски, за которыми прячется его истинная сущность.

Конечно, воспитание, данное нам родителями, очень сильно повлияло на его становление. Мы из богатой семьи, родители наши успешные бизнесмены, входят в совет директоров санаторийского филиала концерна Фольксваген. Над нами тряслись и чуть пылинки с нас не сдували. Думаю, что это важный момент: родители боялись отпустить нас в свободное плавание. Мы были для них двумя божками, настоящими кумирами, и скорее всего, они просто боялись в нас разочароваться. Думали, что вступив в самостоятельную жизнь, мы тут же оступимся

и натворим глупостей. Нет, они об этом никогда не говорили, наоборот, всегда уверяли нас, что они в нас верят. Да они и сами себя просто заставляли верить в то, что их дети – это венец эволюции. Но чем выше они нас превозносили, тем больше подсознательно боялись, что мы не подтвердим их теорию. Буду откровенен, ни я, ни Мик не чувствовали этой веры в нас – ее не было. Была фанатичная, не вполне здоровая, любовь, было восхищение, и чем глубже они в них погружались, тем более мы с братом становились неприспособленными к условиям реальной жизни. Родители всего добились сами, жили в любви и согласии, единственной проблемой их было то, что они долго не могли зачать меня. Как следствие, я, а впоследствии и Мик, стали краеугольным камнем их счастья, тем, что дополнило и окончательно сформировало картину счастливой жизни. Как следствие, я и Мик обрели потенциальную способность разрушить их счастье, разрушить этот мир, который они создали и которому отдавались сполна.

Есть, конечно, такой момент, о котором я часто думал и склонялся к истинности своих суждений: вероятно, родители, по мере нашего взросления, просто не видели в нас тех качеств, которые помогли им добиться в жизни успеха. Мы с Миком просто не отвечали тем стандартам амбициозных и целеустремленных людей, которыми мыслили отец и мать. И они во многом были правы, но, черт возьми, они ведь и заставляли плыть нас по течению. Знаете, очень часто в таких ситуациях дети начинают идти наперекор, становятся неблагодарными и заносчивыми, на любовь и нежность отвечают чуть не презрением. Но не мы с братом. Мы научились ценить любовь и благополучие. Я это к тому, что многие думают, мол, людям выросшим в обстановке полного достатка и стабильной уверенности в завтрашнем дне, чужды представления об истинных ценностях. Чужды представления о жестоких реалиях, царящих за пределами богатства, о нищете и о том, как она ломает людям судьбы. Конечно, в этом есть доля правды. Но одно могу сказать точно: в нравственном плане мы с братом получили достойное воспитание. Даже с детских лет, – а ведь дети способны смешивать сверстников с грязью за то, что они хуже одеты, или у них меньше карманных денег, – нас учили ценить людей за их моральные качества. И мы старались это делать. С детства старались проявлять человечность, и вполне возможно – хотя, не хочется в это верить, – что именно это мешало нам быть в глазах родителей более жесткими и целеустремленными. В любом случае, на их любовь и самоотдачу мы отвечали любовью и уважением. Я не знаю, правильно это или нет, но в детстве и ранней юности в отношении родителей у нас с братом была даже некая безвольность. Не просто послушание и уважение, а прямо покорность. Вот так они смогли себя поставить с помощью пряника, и практически без кнута, не знаю, есть ли тут некая психология. Нам почти ни в чем не отказывали, мы всегда были отлично одеты, у нас всегда было нужное количество денег. Уже в старших классах мы ездили на собственных автомобилях, познали мужское уважение и женское внимание. Думаю, мы с Миком просто понимали, что всем этим обязаны деньгам, а деньги у кого? Вот именно. Будь с людьми человеком и польза не заставит себя ждать. Это было уже в подсознании.

Учились мы неплохо, но без рвения. Спортивные секции посещали охотно, но азарта победителей в нас не ощущалось. Родители намекнули нам, что учиться мы будем в Санторинском университете, а мы и не сопротивлялись. Санторин так Санторин. Вот вам и ответ, потому что лично у меня даже яркого увлечения в жизни не было. Про Мика в этом плане, вообще, отдельный разговор. А я действительно к веслам не прикасался, куда несет – туда и плывем. Не нашел я в юности точку опоры, ради которой стал бы жить, которая стала бы целью и смыслом всех моих поступков. Не нашел для себя музыки. Тогда я просто наслаждался бесплатными дарами жизни, и не понимал, что самый бесценный дар – это найти себя в чем-то. Детские и юношеские развлечения перекрыли во мне это стремление. Если бы не жена, не знаю, куда бы меня занесла судьба. То есть, я признаю, что я в жизни спасен, а не обретен самим собой, понимаете? Это сложно признавать, но зато не так противно, как врать себе. Представляю, сколько волнующих опасений отец с матерью пережили в то время, когда я вышел из-под их контроля и стал жить самостоятельной жизнью.

С Миком ситуация была еще сложнее. У него были амбиции, но не было четких целей. Он бросался с головой в каждое новое увлечение, но в итоге не проходило и полугода, как переключался на что-то другое. Сначала он хотел быть великим теннисистом – это было его первое серьезное увлечение. Через некоторое время, начитавшись про успешный, но тернистый путь какого-то режиссера, он выпросил у родителей полупрофессиональную камеру и начал снимать все, что только можно снять – говорил, что опыт нарабатывает. Сосредоточенно писал сценарий к своему короткометражному фильму, но столкнувшись с первыми трудностями в самом процессе постановки, прикрыл проект. Камера отправилась в бессрочный отпуск. Потом, насмотревшись про какого-то нейрохирурга, отмеченного множеством наград и спасшего не одного, казалось бы, безнадежного пациента, появилась новая мечта. Теперь уже горы литературы по медицине, и мечты о подвигах в операционной. И все это с горящими глазами, с бессонными ночами и пламенными речам, которые он доверял, наверное, только мне одному. Но все тот же стыд облажаться, не позволял ему выйти на серьезный уровень ни в чем. Теннис был заброшен из-за риска проиграть ответственный поединок, кино – из-за необходимости привлечения к процессу других людей, которые что могли сделать? Правильно, осмеять. Ну, а про нейрохирургию и говорить не стоит: он потух, как только узнал процент смертности в этих отделениях больниц.

После окончания университета, Мик получил в подарок от родителей небольшой дом на юге города и стал работать на отца. Кем? Никем. Грубо говоря, он просто продолжал получать деньги, но уже официально числится в бизнесе. Обязанности Мика могли сводиться к тому, что он должен был явиться на какую-либо встречу и поставить подпись – ну это так, образно выражаясь. При этом отец старательно делал вид, что безгранично доверяет сыну, что поручает ему невероятно ответственные задачи, давал сотню напутствий, но в итоге все сводилось к тому, что брату просто нужно было выполнить сущую безделицу. Сначала Мика это бесило, и он хотел найти работу по специальности управления предприятием (которую в свое время выбрал для него отец), а потом смирился. Одиночество, безделье и алкоголь начали поглощать его и извращать душу. Мик неглупый человек, и я думаю, что именно с неглупыми людьми одиночество, безделье и алкоголь творят самые отвратительные превращения. Вот, примерно, в это время – года в двадцать три, – Мик и начал уверенно приобретать тот облик, с которым он, в итоге, вошел в историю Перри Пейджа. Юношеская горячность и побуждения к великим стремлениям стали сменяться в нем меланхолией и его самой отвратительной чертой – совершенной замкнутостью.

Если бы его, еще юношеские, желания были пропорциональны его стремлениям, Мик, однозначно, нашел бы себя в чем-либо. Но выбирая платформу для будущего поприща, Мик в большей степени думал о том, как он будет пожинать плоды, а не о том, сколько работы нужно для этого проделать. А главное, сколько раз нужно поделиться с другими людьми своими, еще зелеными, плодами. Когда же я говорил ему: «Мик, ты выбираешь для себя нелегкий путь, ты должен быть готов к падениям», он отвечал: «Так я готов». И знаете, отводил взгляд с такой неловкой, словно стыдливой, улыбкой. И я понимал, что падать Мик не готов. Прожить в мечтаниях и иллюзиях готов, но падать – нет. Не потому, что это тяжело, а потому, что это стыдно.

Откуда в нем появилось все это? Сложно сказать. Так он формировался в детстве, и уже лет в шестнадцать-семнадцать под пристальным вниманием эти черты в нем просматривались, а позднее стали видны невооруженным взглядом. Я уверен, что брат прекрасно понимал свою неорганизованность, видел себя неудачником, видел будущее совершенно бессмысленным. Думаю, та субъективная оценка, которую он ставил самому себе, и вгоняла его в отчаяние, от которого он прятался в пьяной атмосфере баров и пабов.

«Я сижу в тюрьме, Бен. Но никто и никогда в это не поверит» – как-то раз сказал он мне.

Из застенчивого юноши Мик превращался в депрессивного и замкнутого алкоголика. В нем начали уживаться две противоположности. И яснее всего свою настоящую природу он

проявлял по мере опьянения, когда изысканные манеры могли смениться выражением явного презрения, ухаживания и комплименты противоположному полу на шутки, не просто пошлые, а до отвращения грязные. Таким образом он демонстрировал не что иное, как презрение к самому себе. Так он насмехался именно над собой. И ему это словно нравилось, во всяком случае, он от этого не старался уйти. Он прямо пьянел презрением и насмешкой.

Его редкие отношения с девушками были похожи на то, как он отдавался своим увлечениям. Вроде бы каждая из его избранниц была для него последней и единственной, но проходило некоторое время, и Мик вновь оставался один. Несмотря на то, что он богат, несмотря на то, что симпатичен. Дело в том, что в случае здоровых взаимоотношений люди всегда выходят на новый уровень доверия, что для моего брата равнялось личной катастрофе. Его в этом плане устраивала исключительно позиция любовников, но никак не двух породнившихся душ. Кому это понравится? После подобных «драм» Мик делал вид, что переживает; возможно, что убеждал себя в переживаниях, но даже не пытался исправить ситуацию. Сама она, разумеется, никогда не исправлялась. А вообще, я думаю, он сознательно не хотел, чтобы его любили. Он об этом не говорил, но я в этом почти уверен. Куда важнее всех удовольствий любви ему было чувствовать свою моральную безопасность.

В то время как он оканчивал бесполезное обучение в университете и вступал в «самостоятельную» жизнь, он на протяжении длительного времени встречался с девушкой по имени Вероника. И я думаю, что к ней Мик испытывал по-настоящему сильное чувство, максимально приближенное к любви, в широком понимании этого слова. Его «любовь» к Алисе Андерсен, о которой речь пойдет дальше, я не беру в счет, я никогда не назову это любовью. Так вот, эта Вероника, похоже, из всех сил пыталась, так сказать, переделать моего брата. Возможно, мотивы ее были лишены романтизма, и заключались в некоем психологическом эксперименте. В любом случае, именно Вероника на долгое время перечеркнула нормальное отношение Мика к противоположному полу. Дело в том, что в своей заключительной речи она в самых жестких формах объяснила моему брату, что тот обречен на мерзкое – не жертвенное, – а на самое мерзкое одиночество. Что он неспособен даже в обещаниях сделать счастливой ни одну девушку, не говоря уже о реальности. Что виной всему его бесконечный эгоизм, который является не застенчивостью, не загадочностью, не скромностью, а банальной самовлюбленностью. Что нет более отвратительной черты, чем полностью погружаться в собственный мир, не умея при этом твердо стоять на ногах в этом мире.

Думаю, эти слова сильно на него повлияли, но не в том смысле, в каком должны были. В любом случае, Мик замкнулся окончательно. С того времени, он уже не вступал ни в какие романтические отношения – по крайней мере, я о них не знаю. Скорее всего, он полностью переключился на проституток. То есть, то, что Вероника имела в виду – постараться изменить себя и выйти за пределы своего эгоизма, – Мик вновь ловко извратил. Он просто уверил себя, что не сможет сделать счастливой ни одну девушку – вот что он почерпнул из той речи. И как всегда, пустил все на самотек. Он все больше отстранялся от общества, пристрастие к спиртному набирало обороты, он стал избегать друзей, и уж тем более, новых знакомств. Бар под названием «Туман» стал ему вторым домом, он проводил там вечера напролет, чаще всего в полном одиночестве, лишь изредка присоединяясь к компаниям знакомых. Мне он еще кое-как доверял, но я чувствовал, что такими темпами еще через несколько лет между нами будет пропасть отчуждения.

Море свободного времени, материальная обеспеченность, отсутствие семейных хлопот – все этому способствовало. Вы понимаете? У него ведь не было ни одной проблемы, ровным счетом. Ни одной, по-настоящему серьезной проблемы, его голове не о чем было болеть. И от этого страшно вдвойне. Его единственной проблемой был он сам. То, что он с собой делал, замыкаясь в себе и все больше погружаясь в алкоголь – давайте будем честными, – не заслуживает оправдания. В то время, когда многие люди борются за выживание, Мик сидел в баре,

заливал в себя дорогой коньяк, и размышлял о тщетности бытия. И при этом смел искренне верить, что он несчастлив. Да, разумеется, он был несчастлив, но виной тому исключительно он сам. Не было ни одного человека, ни одного обстоятельства, которое можно было бы обернуть против него. Все было в его руках, но Мик опустил руки.

В этом самом «Тумане» он и встретил Алису Андерсен, и встреча эта оказалась переломным событием в его жизни. Ему тогда было двадцать пять, то есть произошло это примерно за два с половиной года до событий связанных с Перри Пейджем, и с того момента ситуация стала принимать просто катастрофический характер. С Летицией Торрес – лучшей подругой Алисы, – мы были знакомы уже очень давно, еще со школы. Когда-то я пытался за ней ухаживать, но был оставлен не у дел, хотя мы сохранили приятельские отношения. А Алиса познакомилась с Летицией в Санлайте, где они обе учились в университете, и переехала в Санторин после определенных событий в своей личной жизни, о которых скажут другие. Переехала и почти сразу попала на глаза моему брату. И вместе с интересом к Алисе, Мик потерял интерес к жизни, понимаете? Интерес к самому себе. Я далеко не сразу понял, какую роль Алиса играет в его жизни. Он держал свою болезнь под надежным замком.

Помню, как он впервые заговорил о ней, когда я навестил его в один из вечеров:

– В твоей памяти есть некий женский образ, который в свое время поразил тебя до глубины души? Образ какой-нибудь девушки, которую ты видел, может, единственный раз в жизни, но который каленым железом запечатлелся в твоей голове? Лицо, красивее которого ты уже никогда не увидишь, и ты в этом уверен? Жена не в счет.

Я задумался. Слышать такие речи от Мика, в принципе, дело не странное. Станным было то, что со времен Вероники, он не говорил со мной о девушках, и поэтому во мне забрезжила надежда на светлое будущее. Как же я тогда ошибся.

– Может быть, – пожал я плечами. – Думаю, в жизни многих мужчин есть такой образ. Помню в очереди какой-то: стояла стройная брюнетка с волнистыми волосами, спадавшими по плечам, и огромными черными глазами. Настолько огромными, что они постоянно казались удивленными – это было невероятно мило. И да, это было лет восемь назад, а я до сих пор ее помню. Но, разве это важно? В красоту можно влюбиться, но любить за красоту невозможно. Как-то так. Почему ты спросил?

Мик усмехнулся.

– Ну, наверное, и в моей жизни наступил такой момент.

– Кто такая?

– Подруга Летиции. Зовут Алиса. И знаешь... она очень похожа на одну мою знакомую студенческих времен, на Эмму Харпер – девушку с параллельного потока, с которой мы вместе постигали азы алкоголизма. Вот только Эмма, хоть и нравилась мне, но никогда не вызывала столь сильных впечатлений, а эта Алиса смогла тронуть во мне что-то очень глубокое. Не знаешь ее случайно?

– Нет, я и Летицию уже сто лет не видел.

– Она совсем недавно в Санторине. Глаза такие красивые – темно-зеленые, прямо кошачьи, в сверкающем взгляде что-то такое роковое... нет, что-то зловещее, как будто, отголосок ее темной стороны души пробивается в мир сквозь ее глаза.

– Нихрена ты загибаешь, – я засмеялся. – Когда ты с ней познакомился?

– Впервые увидел месяца четыре назад в «Тумане», в компании Летиции. Потом еще пару раз видел там же, но пытался игнорировать. Неделю назад, Летиция таки заволокла меня за их стол и познакомила.

– И? – я был заинтригован.

– Ничего, – усмехнулся Мик.

– Почему?

– Во-первых, она на меня ноль внимания, а во-вторых... как-то не очень и хочется. Она, конечно, красивая до безумия, неглупая вроде бы, интересная, но я не чувствую. Как бы сказать... не чувствую необходимости.

Я же знал горькую правду: ему было стыдно.

– Необходимости в чем?

– В ее симпатиях.

– Тогда забудь, в чем проблема?

– В моих симпатиях. Они уже достаточно сильны, – Мик улыбнулся как-то виновато.

– Не романтизируй, брат. Либо действуй, либо забудь. Помнить в бездействии – это абсурд. В некоторой степени даже унижительный абсурд.

Мне показалось, что Мик посмотрел на меня с презрительной насмешкой.

– Мне ничего от нее не нужно. Но она пленит. И в то же время, не подпускает.

Вот в этих последних словах и кроется смысл жизни Мика в последующие два с половиной года: выдуманная им магия Алисы пленила его, но не подпускала. Потом, позже, когда я увидел ее, то смог трезвым взглядом оценить эту девушку. Черные волосы, прямыми локонами лежащие на узкие плечи. Почти прямой подбородок сглаживал немного вытянутый овал лица. Выразительные зеленые глаза под тонкими бровями. Нос с небольшой впадинкой, острые скулы, что подчеркивали слегка впалые щеки. Тонкие губы совсем немного выпирали дальше, чем следовало бы, но это нисколько не портило общий ее портрет. Фигура стройная, довольно пропорциональная. Вот как-то так. Еще она очень часто прищуривалась, словно имела проблемы со зрением, и, в принципе, ей это шло. Суховато, но я ведь не заинтересованная личность. Если бы вы обратились к Мику за ее описанием в те времена, думаю, он бы смог более поэтично рассказать о прелестях Алисы. Да, бесспорно, Алиса – девушка красивая, но... она красива той красотой, которую нужно понять. Она не из числа тех девушек, при виде которых челюсть отвисает, или наступает эрекция. Она из числа тех, кто западает в душу. То есть, если она покажется вам красивой, то, скорее всего, так и останется для вас самой красивой, как в случае с Миком. Если же при первом впечатлении, вы не заметите в ней ничего примечательного, она так и останется в ваших глазах обычной девушкой. Такой вот парадокс.

О подробностях личности Алисы Андерсен, я рассказывать не стану, я ведь ее почти не знаю. С этим отлично справится Летиция. Вообще, было бы намного занятнее, если бы всю эту историю рассказывала сугубо эта неадекватная троица: Мик, Алиса и Летиция. Ну, и Генри, конечно. Но раз уж я согласился рассказать про одного неадекватата, то уж попробую довести дело до конца.

То, что я буду говорить далее стало для меня прозрачным не сразу. Только в мае пятнадцатого года в голове моей сформировалась картина, которая впоследствии была подтверждена некоторыми событиями и рассказами самого брата.

В тот вечер, когда Мик впервые рассказал мне о ней, я надеялся, что он все же попытает свое счастье, если уж Алиса произвела на него такое сильное впечатление. Но не тут-то было. Идиотизм моего брата стремительно прогрессировал, и умел преподносить сюрпризы. Ни о каком романе речи не было даже близко, а вместо этого появилась навязчивая идея. Два с половиной года депрессии, душевной черноты и алкоголизма, помешательства и психической дисфункции. Я видел, что Мик совершенно терял себя, видел, как он превращался в совершенного социопата и изгоя по собственной воле. Видел, как он неделями не выходил из дома, и практически круглосуточно был пьян. Видел, как игнорировал меня и родителей, как, в то же время, терял в отношении нас последние остатки совести и приличий. Видел, но понятия не имел, что причина тому – Алиса. Разумеется, я был уверен, что он и думать о ней забыл. Для меня такое самоуничтожение из-за девушки, с которой он даже толком знаком не был, с которой даже не рискнул стать ближе, было нокаутирующим ударом. После того, как

он выстрелил в фотографию Алисы, я реально был склонен считать его сумасшедшим, в самом прямом смысле этого слова. Но я забегаю вперед.

А впервые я услышал о его смешной идее, когда в очередной раз его взять себя в руки и обратиться за помощью, пройти курс реабилитации.

– Ты не понимаешь, Бен! – говорил он мне пьяным голосом. – Я спасен. Я нашел себя. Я пришел к тому, к чему шел всю свою жизнь.

– К чему?! Ты посмотри на себя, ты в ничтожество превращаешься!

– Я обрел то, что всем вам даже в самом смелом сне не приснится.

И он расхохотался мне в лицо пьяным отвратительным смехом.

Я пытался помочь, хоть и не понимал, как это сделать. Я старался чаще быть с ним рядом, пытался вывести его на нормальный контакт, пытался наладить с ним ту связь, которая была между нами прежде. Успеха я практически не добился. Он продолжал пить, в открытую говорил, что презирает всех и все вокруг, и не хотел ничего слушать, когда я, вновь и вновь, пытался ему объяснить, что он позорит себя и всю свою семью.

Было поздно. Идея к тому времени вросла в его душу и разум. «Алиса». Помутневший рассудок его воспевал ложь, которой он окружил надуманный образ этой девушки. Хотя я думаю, что Алиса стала лишь продолжением, прогрессом его помешательства. Он внушил себе, что его надуманные чувства к ней – это любовь, и любовь эта становилась все сильнее, пока не превратилась в его извращенном понимании в «сверхлюбовь». Ему не нужна была она. Ее чувства, ее тело, ее судьба – все это было для него слишком примитивно. Ему нужно было лишь одно: сохранить ее придуманный образ и любить своей «сверхлюбовью». Любить, не давая ей повода понять это.

Мик не лез не то, чтобы в любовники. Не то, чтобы в друзья. Он не лез даже в хорошие знакомые. Он остановился исключительно на приятельских отношениях, на том расстоянии, где истинную сущность человека еще не разглядеть. И его это вполне устраивало: то есть он мог, при особом желании, побыть в непринужденном обществе Алисы, но это никак не могло повлиять на тот образ совершенства, который продолжал разъедать его мозг. Он знал ее лишь поверхностно, и он не хотел знать о ней больше. Даже когда всплыли не очень приятные факты из личной жизни Алисы, он закрывал на это глаза. Он не подпускал в свой мозг ничего, что могло бы не совпасть с придуманным им образом этой девушки. Даже не представляю, что творилось в его душе, какие моральные бури он переживал, когда у Алисы появлялся новый ухажер. К счастью для него, девушка была наделена эксцентричным характером, и парни рядом с ней не задерживались.

В общем, это было настоящее сумасшествие. Театр одного актера, которому из-за невосребованности в этом мире, просто больше нечем заняться, некуда себя деть, и потому приходится разыгрывать этот бесполезный, никому не нужный спектакль. Мик все же пришел к тому, от чего бежал: если бы в тот момент, кто-то узнал, что творится в его душе – он был бы осмеян.

Я часто думал: а что, если Алисе самой понравился бы Мик, если бы она сделала первый шаг, поняв, что ждать инициативы от него бесполезно. Что было бы тогда? Если бы привычка Мика пускать все на самотек принесла бы ему такой желанный плод? Думаю, это был бы самый оптимальный вариант: стыдливая натура Мика в очередной раз закрыла бы его душу на сто замков и он бы просто отстранился. Понял бы, что нет никакой сказки, что его принцесса в его полной досягаемости, и потерял бы интерес. Но этого не происходило, Алиса не давала ни малейшего повода полагать, что заинтересована в личности Мика, и идея о «сверхлюбви» продолжала прогрессировать в сознании моего несчастного брата.

В апреле пятнадцатого года, когда начали разворачиваться основные события всей этой истории, Мику было двадцать восемь лет. Алисе и Летиции по двадцать семь. Вся компания отличалась молодостью, красотой и большим рассудком.

Второго мая мы с Миком сидели в его саду, который больше напоминал заброшенную рощу. Единственное чувство, которое к тому времени вызывал мой брат – это сострадание. Он пил коньяк прямо из горла бутылки, и казалось, совсем не замечал моего укоризненного и сожалеющего выражения лица.

– Ты себя убиваешь, – говорил я.

– Согласен.

– Мне больно видеть тебя таким, Мик. Тебе бы побриться и постричься.

– Да плевать, – он презрительно усмехнулся и провел ладонями по небритым щекам.

– Неужели ты не хочешь измениться?

– Ради чего?

– Ради лучшей жизни. Ради себя.

– Я именно такой, каким хочу себя видеть, – ответил он, сделал глоток коньяка, лег на спину и закрыл глаза. – Если не устраивает, никто не держит.

– Какой же? – с досадой спросил я.

– Дьявол рассказал мне правду.

На лице его играла презрительная ухмылка.

– Какого черта ты несешь? – спросил я.

– Нашептал мне, что вы жрете объедки с небес.

– Ты больной?

– Знаешь, как вы обычно называете эти объедки? – он приоткрыл глаза и в его черных зрачках я увидел лихорадочный огонь. – Любовь.

– А, вон оно что. А ты, значит, слишком горд для этих объедков.

– Не совсем так. Я просто лезу за стол и пытаюсь ухватить жирный кусок.

– И как мы называем этот кусок? Ненависть?

Мик отрицательно покачал головой, пригладил свои всклокоченные черные волосы, и вновь закрыл глаза.

– Сверхлюбовь.

– Потрясающе, – усмехнулся я. – И что она собой представляет?

– Хочешь знать?

– Хочу знать, что ты там навывдумывал.

– Это не я. Это дьявол нашептал.

– Мик, ты просто больной на голову человек. Понимаешь, что ты похож на шута?

– Ну и ладно, – усмехнулся он. – Я счастлив, и это главное. Ты просто судишь меня через призму своих взглядов на вещи, и я могу начать поступать точно так же. Но ведь я этого не делаю. Я ведь уважаю твое мнение. И думаю, это мое право – выбирать, кого любить и как любить, правильно?

– Я не знаю, как заставляет любить дьявол.

– До греха. Делать это как и все, что ведет к величию.

– Так ты у нас теперь великий?

– Пока еще нет.

– Дьявол тебя обманул. Это не правильно.

– Что не правильно? Любить – не правильно?

– Так любить – не правильно.

– А как правильно?

– Как в фильмах показывают, как в книгах пишут, как в песнях поют, Мик. Как любят миллионы людей на этой планете, счастливых людей. Как ты любил Веронику, хотя бы так...

– Будь она проклята, ваша любовь, – поморщился Мик, принимая раздраженно циничное выражение лица и тона.

– Протест? Бунт?

Он не ответил.

– Мне кажется я даже знаю в чем дело. Дразнить себя тем самым жирным куском, ага?

Мик вновь отпил коньяка. Около минуты мы молчали. Я смотрел на него и видел... может, это я сейчас хочу думать, что видел, не знаю. Словно он болен не только душой, – а в этом я был уверен, – но и телом. Что его глупые мысли и его безосновательные терзания уже перекинулись на его тело, подобно раковой опухоли. По крайней мере, выражение лица, когда его покинула улыбка, и он задумчиво глядел вдаль, скинув с себя все напускное, говорило о печали и боли. Одиночество довело его, закралось в его черты лица и вырисовывало на нем свои шрамы.

Он первым нарушил молчание:

– Вы слишком слабы, чтобы устоять перед соблазном сожрать небесные объедки.

Я слушал его и поражался. Я, конечно, знал, что Мик склонен к размышлениям о высоких материях, но не думал, что он выдумал свою любовь к Алисе (тогда я еще не знал, что именно к Алисе) лишь для того, чтобы любить не так, как все! Это было и очень смешно и очень грустно. Человек осознанно уходил от радостей любви, лишь для того, чтобы в собственных глазах прослыть «гением любви», подарившим этому миру некую «сверхлюбовь».

– Мик, ты меня пугаешь, – я придал голосу веселости, чтобы разрядить обстановку. – То есть все это лишь для того, чтобы отрицать свою посредственность?

– Хаха, – он подхватил мой настрой и принял насмешливую манеру. – Нет, Бен, я прекрасно знаю, что я посредственность. Мне скоро тридцать, и я не преуспел ни в чем. Я облажался, как и миллионы других людей.

Но я уже понял, что мой брат, действительно, считал себя гением любви. Он не понимал, что гениальность требует намного больше усилий и самовоспитания, чем юношеские иллюзии и попытки задавить в себе ценности, которые создавались обществом на протяжении веков. Он не понимал, что чаще всего, гении не стремятся прослыть гениями, что гениальность – это состояние души. Не понимал, что они не стучатся в дверь общества, они врываются без спроса, чтобы засверкать над нашими головами, и не оставляют нам никаких шансов.

– И кто же объект твоей «сверхлюбви»? Кто та несчастная, удостоившаяся чести быть любимой дураком? – спросил я спустя полминуты молчания, стараясь придать тону беззаботный интерес.

– Хаха, – как-то нервно посмеялся Мик. – Та, которая доведет до греха.

– Господи, какой бред, – поморщился я. – Бред зеленого юнца, твою мать.

За ироничной улыбкой, Мик не скрыл пристального взгляда, которым он посмотрел мне в лицо.

– Общепринято умирать от любви, но это никуда не годиться. От любви надо убивать, – сказал он и залил в себя несколько глотков коньяка.

Вот такую вот ересь нес мой брат в начале мая пятнадцатого года. Маскируя речи наигранно театральным артистизмом, пряча мысли и чувства за иронией и сарказмом, он выплевывал из себя всю ту черную боль, что порождал в нем его воспаленный разум. Его комплекс несостоявшейся личности заставлял его выдумывать для себя роль, в которой он мог бы чувствовать себя комфортно, при этом продолжая сохранять фактическое бездействие. Его стыд самого себя взял верх, потому что, то, что он выдумывал, было действительно стыдно. Мой разум – надеюсь, что и ваш, – не мог дойти до той границы, где подобный бред обращался в действительность. Вы можете сейчас начать меня судить, что я плохой брат и не слышал человека, которого, кроме меня, никто больше не мог услышать. Да! Я смеялся над ним. Я признаю.

Недели через две после того разговора, я проезжал неподалеку от его дома и решил заглянуть без предупреждения. Мик такие встречи не очень любил, да и вообще не жаловал видеть меня, чаще, чем раз в месяц. Он жил в южной части города, на улице Дидро, застроенной

однообразными домами и уходящей к западу от площади Шопенгауэра. Когда я подъехал, свет в передних окнах его дома не горел, и я подумал, что, скорее всего, брат где-то шляется. Входная дверь была заперта, я дважды позвонил в звонок, но он не открыл. Тогда я подумал, что может, он напился и вырубился, несмотря на ранний час – было девять вечера, – и решил проверить заднюю дверь. Однако, как только я зашел за боковую стену дома, то заметил слабый свет в приоткрытом окне его спальни. Я заглянул в окно и увидел, что он неподвижно сидит в изножье кровати, на которой валялась уже пустая бутылка из-под виски. Я хотел окликнуть его, но не успел. Взгляд мой уперся в фото Алисы, висевшее на стене прямо перед Миком. И я просто... остолбенел, не знаю. Все стало ясно очень быстро. И от этой ясности мне захотелось провалиться сквозь землю. Последние два с половиной года жизни моего брата перестали быть загадкой. Его алкоголизм и его «сверхлюбовь» смотрели на него со фотографии на стене. Смотрели глазами Алисы Андерсен. Никогда мне не было так стыдно за другого человека.

В течение минуты я наблюдал за неподвижным братом, и как мне казалось, он либо пребывал в трансе, либо напился уже до состояния полной умственной невменяемости. Но тут он медленно поднялся на ноги, и подошел вплотную к фотографии. В левой его руке была еще одна, уже начатая бутылка виски, его серьезно шатнуло и упершись правой рукой в стену и опустив взгляд в пол, он начал что-то хаотично шептать. С некоторыми перерывами его речь продолжалась минуты две, после чего он оторвался от стены, сделал два шага назад, и со стоном, вновь опустился на кровать. Через две минуты ситуация повторилась: поднявшись на ноги, он вновь приблизился к стене, вновь шепотом поговорил с Алисой – а я не сомневался, что именно это он и делает, – и вновь отошел на два шага, но в этот раз, остался нетвердо стоять на ногах. Некоторое время он молча смотрел себе под ноги, а затем процедил вслух:

– Сказка окончена.

И тут, резким движением, он выхватил из-за пояса пистолет, и вскинул его в сторону фото Алисы. Прогремел выстрел. В первое мгновение я подумал, что мой больной брат решил вышибить себе мозги, и хотел рвануться в спальню через открытое окно, но тут же замер, поняв смысл этого шоу. Фотография Алисы в рамке рухнула на пол, и в стене на ее месте теперь зияла внушительная дыра. Через несколько секунд созерцания этой дыры, Мик запрокинул голову и разразился омерзительным маниакальным хохотом, который продолжался полминуты. Затем он отшвырнул пистолет, приложился к бутылке, и, сделав, наверное, глотков восемь или девять, со всей силой разбил ее о стену.

– Репетиция прошла успешно, – процедил Мик, и без чувств рухнул на кровать.

В тот момент, мне впервые стало за брата по-настоящему страшно. Мне впервые стало страшно от мысли, что Мик все-таки способен на действия.

И зловещая догадка пронеслась в моей голове: уж не надумал ли Мик убить Алису, чтобы войти в историю с помощью своей «сверхлюбви»? Чтобы на суде выложить всю свою нелепую теорию, искренне надеясь шокировать общественность.

Я не знал, что делать, а делать что-то было нужно. Я даже не знал с кем можно поговорить о своем несчастном братце. Я много думал, понимая, что с каждым днем ситуация может стать еще более тревожной, хоть, признаюсь, никогда не верил, что Мик реально способен причинить вред кому-то, кроме себя. Думал, каким образом можно лишить его оружия, которое он, все равно, сможет достать себе вновь. В итоге, ближе к концу месяца, я решил поговорить с Летицией.

Рассказывает Летиция Торрес

Кто бы там что ни говорил, о всяких субъективных оценках, о всяких разностях характеров и прочей чепухе, я все равно буду считать, что Алису Андерсен невозможно не любить. Хаха! Ладно, я вру! Можно начать свой рассказ со лжи? Нет, ну ладно. Любить Алису Андерсен – это настоящий кошмар, это значит постоянно подвергать себя опасности. Вы опять повелись на мою ложь? Отлично! Ладно, если серьезно, то Алиса – просто один из самых дорогих для меня человечков во всем мире, и любить ее очень просто. Это не экстрим, и не обязанность. Лично для меня встреча с Алисой – это тот поворот на жизненном пути, ну или перекресток, неважно, без которого я вообще не представляю свою нынешнюю жизнь. Если бы Алиса не появилась в моей жизни, даже не знаю... вот, я смотрю на свои последние десять лет, и понимаю, что так или иначе, она всегда была рядом, даже если была от меня далеко. Связь с ней всегда ощущалась и была для меня очень важна, думаю, что и для нее тоже. Я полюбила ее буквально сразу; наверное, через месяц после нашего знакомства, я уже удивлялась тому, что знаю ее столь короткий отрезок времени. Было ощущение, что мы знакомы с детства, что всю жизнь шли рука об руку, и знаем друг о друге все. Барьеров не было в общении, понимаете? Это же очень редко бывает, действительно редко, когда встречаешь такого человека. Когда рядом с ним понимаешь: ты можешь говорить ему практически все, вот как на душе лежит. И не надо ничего выдумывать, не надо сомневаться, не надо опасаться, – просто говори. Говоришь – и чувствуешь: о, нормально! Бывало такое у вас? Если нет, то искренне желаю вам испытать это.

Хотя первое впечатление от нее, вернее не от нее, а от ее половины комнаты в общежитии, у меня было сомнительным. Мы оказались соседками по комнате в общежитии университета Санлайта. Я сама хоть и из столицы, но получать образование поехала именно в Санлайт. Не подумайте, в моем тогдашнем решении не было глупых юношеских мыслей о мнимой свободе; такой шаг, в большей степени, был продиктован идеей о мнимой самостоятельности. Но не обо мне сейчас речь. Алиса же родом из маленького городка Роан, она у нас провинциальная девушка. В общем, захожу я в комнату, затаскиваю туда свои чемоданы, оглядываюсь. Понимаю, что соседка моя уже тут побывала, приехала, видимо, на день раньше меня – ее половина комнаты уже была обустроена и напоминала маленький музей древностей. Там повсюду висели небольшие картинки, с изображениями древних памятников архитектуры: Колизей, Парфенон, пирамиды Гизы. Повсюду какие-то безделушки, осколки каких-то черепков, на столике стояла амфора со сколотым верхом. Эти еще... статуэтки или тотемчики, прикольные такие, типа божки языческие. Вот, как сейчас их вижу, на шумерскую вроде тематику – с большими головами... ладно, хватит об этом. Еще расплачусь от ностальгического умиления. А над кроватью ее любимая картина: «Закат в Вавилоне» Рафаэля Лакоста, графического художника.

Ну, думаю, наверное, какая-то помешанная девочка, зануда, короче. Сто процентов, думаю, там что-то оторванное от мира – ни поговорить, ни посмеяться, ни развлечься! Ага, как бы ни так! Заходит через час эта красоточка, со смолянными волосами, с торчащими сиськами и стройными ножками, достает из сумки бутылку ликера и говорит: «Давай знакомиться, я Алиса!». Хаха! И понеслось.

Ну да, единственное, что я угадала – она была помешанной, но в меру, не до занудства. История древнего востока была ее страстью, она могла часами рассказывать об этом, особенно в то время, когда ей было тошно на душе. В такие моменты для нее не было лучшего лекарства, чем просто попросить ее рассказать что-нибудь на эту тему. И она уносились, окунались с головой в свой рассказ, не то, чтобы она там, в истерике билась с горящими от волнения глазами, нет. Она рассказывала спокойно и интересно, таких вот преподавателей истории нам не хватает. Как-то так стройно она умела преподносить свои лекции, что незаметно для самой себя, я

вместе с ней уносились в эти миры прошлого, а по окончании ее рассказа хотелось с кончиков пальцев сдуть пыль древности. Очень много я открыла для себя нового и интересного из ее рассказов, что я только не выслушала: и про законы Хаммурапи, про расцвет Ассирии, про Эхнатона и Нефертити, про их первую в истории монорелигиозную реформу.

– Да черт возьми! Какого хрена, ты выбрала иностранные языки? Почему ты не пошла на истфак?! Ты же там всем рты позакрываешь! – возбужденно говорила я ей после очередной экскурсии в лабиринты прошлого.

– Ну, ты же не выходишь замуж за папу, – с улыбкой ответила она.

Не так-то просто в полной мере понять смысл этих слов. Честное слово, хочу, чтобы мой будущий ребенок был в этом плане похож на Алису. Чтобы было у него такое увлечение, которое бы могло его настолько вдохновлять и успокаивать, прямо лечить душу, но при этом не вырывать из мира, не превращать в фанатика. Это дорогого стоит.

Господи, как же я скучаю по тем временам, по беззаботной и бесшабашной студенческой юности, по нашим разговорам до четырех утра в нашей комнатухе, в общежитии. Я говорю именно об Алисе, не о юности в целом, с вечеринками, с парнями и прочими прилегающими факторами, я говорю именно о тех двух восемнадцатилетних девчушках, что делились среди ночи своими переживаниями, и думали, что их проблемы настолько глобальны и болезненны, думали, что они так превосходно разбираются в жизни! Вот этого мне действительно не хватает. Представьте, все пять курсов мы прожили с ней в одной и той же комнатке, за три дня до того, как нужно было ее покинуть, мы начали обливаться слезами. Вот просто, делаем что-то, собираемся потихоньку, а потом обнимемся и рыдаем. И говорим друг другу, что это не конец, что это – новое начало... а обе понимаем, что вот именно так, в жизни уже не будет. Будет по-другому, тоже хорошо, но не так. Кто там говорит, что женской дружбы не существует? Смешно.

Возможно, это ошибка, что об Алисе рассказываю именно я. Потому что, в любом случае, я не смогу быть до конца объективной по одной простой причине: я ее очень люблю. С одной стороны хочется, чтобы из моего рассказа вы узнали настоящую Алису, с другой – я подсознательно буду ее выгораживать. Многие, кто с ней знаком, делают акцент на том, что Алиса – человек настроения, на ее депрессивных погружениях в саму себя, или же на ее экспрессивности, порой доходящей до безосновательной агрессии. Все, с ходу, пытаются поставить эти качества ей в вину. Мол, она не умеет управлять собой, полностью подчинена эмоциям и беспартийно им поддается. Но это не так! Я вообще сомневаюсь, что она умеет по-настоящему злиться! Она отходит через три минуты после своих вспышек. Понимаете, это просто вспышки. Вот, есть люди, которые могут днями и неделями носить в себе обиды, огорчения и прочий негатив, чтобы потом побольнее уколоть уже сформировавшимся и охладевшим упреком. Алиса выдает все сразу, и это не означает, что она не умеет держать себя в руках. Она не хочет этого делать. Такое ощущение, что для нее – это игра, но никто не хочет ее поддерживать в этой игре. Словно, не понимая, что людям претит такое поведение, она пытается довести эту модель до совершенства. Маты, крики, наигранные истерики, иногда битье посуды – она вкладывает в это свою актерскую составляющую, словно играет в сцене спектакля или фильма. Но вот звучит команда «стоп, снято», и она довольная своей работой выдыхает и успокаивается. Не понимая, что окружающие не играли вместе с ней, а принимали все за чистую монету. Вы можете сказать: «Конечно, какого черта? Почему я должен мотать свои нервы рядом с этой неадекватной психопаткой?» Я же могу сказать почему. Потому что Алиса умеет любить. Она обладает самым величайшим даром на земле, даром, который может сокрушать все на своем пути, стирать любые границы и устанавливать свои правила. Она умеет любить настолько преданно и нежно, что за минуту этой нежности можно простить все на свете. Пусть не обижаются на меня все мои родные и близкие, но я скажу со всей искренностью: Алиса – это человек с самым большим и горячим сердцем из всех! Из всех, кого я встречала в своей жизни. Любовь

от нее может идти словно волнами, осязаемыми волнами, накрывающими с головой. Если это не самое важное в жизни, тогда что? Нет, это и есть то, ради чего стоит жить. Потому я и готова попадать ей под раздачу хоть сто раз на день, лишь бы не потерять это ощущение любви, что я чувствую от нее, понимаете? Как-то раз, уже после развода с мужем, она сказала мне:

– Эль, ты вообще, понимаешь, что ты для меня значишь? Ты осознаешь, что ты – единственный человек, который смог оценить меня?

Господи, как же больно мне было в тот момент, вы себе даже представить не можете. Слезы потекли ручьями из моих глаз, и я готова была раствориться в той любви, которую чувствовала от нее – разбитой и абсолютно поверженной; пережившей предательство и лишенной права воспитывать своего ребенка; брошенной во тьму самобичевания на страшный суд собственной совести. Но даже тогда, в самое тяжелое для себя время, она по-прежнему была способной на безграничную любовь к другим. Я боюсь, вы не сможете вполне осознать всю суть того, о чем я говорю. Вряд ли я ошибусь, утверждая, что девяносто процентов из вас не смогли бы оценить ее любовь, из-за неспособности любить так же. Ох, как вряд ли. В том, как любит Алиса, есть что-то... от Христа все-таки грубое сравнение, наверное. И все же... очень часто я не могла найти земного определения тому, что чувствовала от нее. Думаю, ее родители сказали бы то же самое.

Однажды... да не однажды, а часто, я ей это говорила, но в памяти всплывает один момент.

– Алиса, милая, – говорю я ей, – ты хоть понимаешь, каким великим чудом тебя отметила судьба? Ты понимаешь, что сам перст любви коснулся тебя при рождении?

А она поднимает свои глаза и так тоскливо смотрит на меня секунд пять, а потом говорит:

– Я очень тебя люблю.

Думаю, найдется кто-нибудь, кто услышав эти слова, подумает: я именно тот, кто смог бы подарить ей такую же, взаимную любовь.

Нет! Почему? Ты веришь в то, что способен восполнить любовью – надуманной любовью, той, что ты идеализируешь в своей голове – восполнить своей, якобы, сильной и горячей любовью, недостаток своих других качеств, таких как деньги, ум, красота и прочее. Я ведь права? Знаю, что права. Но что отличало и отличает Алису – это пренебрежение этими качествами, элементарная способность не заострять на них внимания. Не гасить с помощью любви свои комплексы, и не разжигать их, а вообще не вмешивать их в чувства. Вот так.

Но, разумеется, Алиса не провозглашала себя мученицей, и мечтала, что однажды появится тот, кто поможет ей нести ее крест. Не надо думать, что она так и не выросла из девчонки, окрыленной вечной идеей большой и сильной любви. За всю жизнь, я ни разу не услышала от нее, что любовь – это чушь, выдумка, преувеличенное чувство, самообман, ложь, грязь и прочее. И она умела ждать. И ждала вплоть до четвертого курса, а потому я не вижу необходимости упоминать о двух или трех пареньках, которые в свое время вряд ли сумели ранить ее прекрасную душу.

А потом появился Райан. Парень из родовитой семьи, потомок то ли графов каких-то, то ли еще там кого-то. Аристократ, короче. Красивый, умный, богатый, воспитанный. И эти изысканные манеры... не помню, если честно, понравился он мне сразу или нет. Я вообще не люблю говорить о Райане. Он – это не мое дело, я могу лишь выслушать о нем от Алисы, но судить его... прямо душа претит. Что я могу о нем сказать? В те времена, когда они уже встречались, он казался мне нормальным чуваком. В моих глазах, именно под такой критерий подходил Райан, и в целом, и в своих отдельных качествах. Несмотря на свое происхождение и воспитание, он не воспринимался как сноб или высокомерный идеалист. У него во всем была золотая середина, вроде бы эта интеллигенция сквозила во всем, но как-то ненавязчиво. Но вот та черта его характера, которая меня бесила тогда и продолжает бесить сейчас, начала становиться заметной уже позже, когда Алиса забеременела. А именно: Райан мог в одной ситуации

проявить железную решительность и непреклонность, а уже в следующей подобной ситуации, мог начать сомневаться в себе, и пойти на поводу у своих родителей. То есть, впитанная с детства привычка уметь найти компромисс не срабатывала в те моменты, когда Райан чувствовал на себе ответственность за решение. Тогда его натура, притесняемая долгими годами аристократического воспитания, восставала в нем, и словно бунтующий подросток Райан поступал не так, как от него ожидали одни, но зато приятно удивлял других. Вроде бы и мыслить он продолжал рационально, но вот эти глупые попытки доказать свое «я» приносили весьма сомнительные плоды. Некоторые из этих плодов доедаются до сих пор, спустя годы.

Познакомились они на какой-то вечеринке в университете, посвященной выпускникам, на которую, по старой памяти, был приглашен и Райан, который сам был родом из Арстада. Дело в том, что ранее, в свою студенческую пору, обучаясь в родном городе на финансиста, Райану вдруг стукнуло в голову изменить профиль обучения и на третий курс, он перевелся в университет Санлайта, да еще и на факультет психологии. Проявившись, таким образом, целый год, он вновь вернулся в Арстад, и думаю, эта истерика была одним из тех самых, твердых шагов против чужих интересов, пусть даже в ущерб себе. Короче, в ходе той вечеринки, Райан и Алиса как-то неловко столкнулись, и он вылил ей на грудь бокал шампанского. Алиса вылила на него поток обвинений в умственной отсталости, в самой грязной форме. Было забавно видеть, как выслушивая про себя не самые приятные эпитеты, этот парень все больше расплывался в широкой улыбке умиления. Думаю, причиной тому была, возможно, первая подобная ситуация в его жизни, когда очаровательная девушка не заискивала перед его богатством и происхождением, а вместо этого обогатила его словарный запас выражениями, к которым его слух явно не привык. А через пять минут уже горячо извинялась в ответ на его извинения.

Вот так, в не самый ожидаемый момент в жизни Алисы появился человек, которому оказалось в кайф ей подражать, и это было видно невооруженным глазом. Характер Алисы, ее истеричность, ее необузданная эмоциональность вызывали у Райана восторг. Опять же, скорее всего, именно из-за того, что рос этот парень в абсолютно другом окружении и такая живость натуры, как у Алисы, покорила его. Это поразительно, но в первое время он лишь смеялся над ее характером – не со злостью, не с иронией, а с умилением. Он видел в ней отражение тех эмоций, о которых сам мечтал и в детстве, и в юности, но которым не мог дать волю. А тут вдруг, в его жизни появляется человек, с которым можно расслабиться, можно дать свободу своей вульгарщине и вообще, отстранившись от ложных моралей высшего света, просто быть собой. Через некоторое время, буквально через пару месяцев, он уже и сам во всю ей подыгрывал. Было невероятно забавно наблюдать за их мелкими ссорами и скандалами, во всяком случае, именно мне. Я ведь говорила, что для Алисы ее поведение было некой игрой, маленькими спектаклями, и вот в ее спектаклях появился новый актер. В общем, они были друг для друга как глоток свежего воздуха, и когда они были рядом, то были абсолютно расслаблены. Это очень важный момент, потому что за вот этим необычным комфортом, за радостью от того, что нашли друг друга в психологическом плане, я думаю... они не обращали внимания на глубину своих чувств. Райан так точно. Именно на меру любви. С Алисой все понятно – наконец, она встретила человека, которому ей хотелось выразить свою любовь, выплеснуть до остатка, но! Проблема в том, что, скорее всего, она и сама в большей мере просто себя в этом убеждала. Верила в то, что свершилась ее мечта и ее будущее предопределено встречей с Райаном. Видя счастье в их отношениях, видя счастье непосредственно в подруге, я уже тогда подозревала, что все далеко не так безоблачно. Я видела, что любовь, о которой мечтала Алиса, из мечты превращается в веру, но не в реальность. Хоть убейте, так и было. Уставшая от ожидания, Алиса убедила себя, что Райан – это человек, который заслуживает ее чувств, человек, который оценит их сполна.

А Райан... он пребывал в эйфории. Уже тогда, он невероятно много работал в банке своего отца – в одном из старейших банков страны, к слову. Работал по двенадцать-четырнадцать часов в день, даже в выходные и, тем не менее, мог после работы, уже ночью, примчаться из Арстада в Санлайт, чтобы провести с Алисой хоть пару часов, и ей это, разумеется, льстило. Но... смею предположить, что рядом с Алисой он чувствовал страсть не столько к ней самой, сколько страсть к жизни. И впоследствии мое предположение нашло косвенные подтверждения.

Как бы там ни было, к окончанию пятого курса, Алиса была на шестом месяце беременности. И была счастлива. Вообще, для стороннего наблюдателя они были идеальной парой, обреченной на счастливое будущее. Не в восторге были только родители Райана, причем очень не в восторге. Разумеется, девушка, которая могла отвесить поклон настолько низкий, какой их высший свет не видел в своей истории, с трудом вписывалась в их общество. Райан и не скрывал от Алисы, что мать и отец пытаются настроить его против нее. Причем – хитрые люди – акцентировали не на поведении и манерах девушки, зная, что именно этим их сын и покорен, а на якобы чисто корыстных целях Алисы. Алиса же только посмеивалась над ними, она действительно, не воспринимала их всерьез. Словно они были... актерами второго плана, и их интересы вряд ли могли встать на уровень актеров главных ролей. И как мне кажется, именно такое отношение доводило родителей Райана до прямой неприязни по отношению к ней. Лично мне это льстит, потому что в этом маленьком противостоянии, у моей подруги получилось одержать верх. И не потому, что они с Райаном все же поженились, а потому, что она, сама того не подозревая, поражала его родителей их же оружием – чувством превосходства. Уверена – именно это катализировало их злость. И вот тут, Райан совершил тот поступок, что вызвал во мне неимоверный восторг. Несмотря на все упреки, уговоры и даже угрозы со стороны родственников, он, не говоря никому ни слова, на свои личные наследственные деньги, купил в Арстаде небольшой дом, тем самым полностью растоптав их мнение. Расписались они сразу, после того, как Алиса получила диплом, и отметили свадьбу в тесном кругу самых близких друзей. Вскоре, как и бывает, и родители Райана стали подтягиваться. Думаю, что решительность и бескомпромиссность их сына в отношении личной семьи, все же вызвали и в них совершенно естественное чувство уважения. А может страх быть отвергнутыми от судьбы внука? А может страх того, что их сын полностью попадет под влияние жены и окончательно перестанет прислушиваться к ним? Наверное, все вместе. И избрав тактику долгого и терпеливого ожидания, они стали превращаться в любящих и заботливых свекра и свекровь. При этом плохо маскируя свое истинное отношение и надежду на некий случай, который скомпрометирует Алису в глазах мужа. Даже уговаривали их переехать в их огромный особняк – мол, места там хватит всем, – но это предложение было отвергнуто самим Райаном, потребовавшим в дальнейшем не поднимать этот вопрос. Ну, а в сентябре одиннадцатого года родился Джеральд, и картина молодой и счастливой семьи окончательно сформировалась. Алисе тогда было двадцать три, Райану двадцать шесть – самое время. Вот только для чего?

Возможно, для того, чтобы показать друг другу свои истинные лица? Свое истинное отношение. Так и случилось. Рождение Джери, наконец, вырвало Райана и Алису из пучины восторженного комфорта и открыло весь спектр жизненных волнений, связанных с рождением ребенка. Тех волнений, преодолеть которые можно только сообща, взявшись за руки, преодолеть силой любви. У Райана и Алисы этого не получилось. Сначала постепенно, а потом все стремительнее и жестче, от их, казалось, незыблемого взаимопонимания не осталось и следа. А все потому, что пришлось перестать играть в любовь. В то время, я часто ездила к ним в гости, и видела, насколько напряженное состояние у Алисы. Она словно ожесточилась, понимаете? В прямом смысле слова. От той прежней наигранной злобливости не осталось и следа, вместо этого в Алисе ощущалась какая-то скрытая угроза. Грубо говоря, она напоминала комок нервов, и эта нервозность сопровождала ее во всем, за исключением сына, с которым она стара-

лась быть максимально сдержанной. В то же время, я чувствовала странный дискомфорт рядом с ней, чувствовала, что ее может прорвать в любой момент, и прорвать не так, как я к этому привыкла, а по-другому. Натурально, с естественной злостью! Сказать по правде, я даже хотела этого: во-первых, чтобы Алиса остыла, выплеснув из себя негатив; во-вторых, чтобы узнать насколько все серьезно в их отношениях с мужем. Но она не срывалась, а о муже практически не говорила, а если я и пыталась подвести тему к этому, то она, наоборот, всячески отводила разговор в другое русло. Райана практически никогда не бывало дома – он пропадал на работе днями и ночами, и это был один из основополагающих факторов их раздоров. Сначала, все начиналось с такого популярного, древнего как мир, диалога:

– Я целый день с ребенком, а от тебя никакой помощи!

– Я работаю, чтобы вы ни в чем нуждались!

Ну, а потом неслось уже все остальное: и про невнимательность, и про чувство отчужденности, и про мамочек, и так далее... знакомо, правда? Вроде бы, все как у всех. Не совсем. Основная проблема в том, что на протяжении полутора лет, до рождения Джери, как оказалось, Алиса и Райан очень плохо знали друг друга. Поглощенные чувством иллюзорной гармонии, которое они дарили друг другу, они так и не подарили друг другу себя. Так и не открылись. Не то, чтобы они оказались разными людьми и прочий бред, нет. Повторюсь, они просто не знали друг друга! Это примерно, как дать двум знакомым, но не близким людям ребенка и сказать: «Воспитывайте!» Может, и грубое сравнение, но все же... суть примерно такова.

Я предупреждала, что не смогу быть вполне объективной, и подсознательно буду занимать сторону Алисы. Но как бы то ни было, мне кажется, что именно Райан оказался неготовым к отцовству. Он действительно отстранялся от семьи. Он уже не пытался подыгрывать Алисе, он не пытался сглаживать острые углы, не пытался пойти на компромисс. Вероятно, шокированный тем, до какого иступления может доходить его Алиса, когда она действительно на взводе, когда она с ним не играет, когда хочет от него реального участия, а не аккомпанемента, когда просит лишь немного помощи, вплоть до того чтобы укачать малыша в три часа ночи, Райан просто закрывался в скорлупу своего отдельного мира. Чуть свет, и он бежал на работу, возвращался затемно. Ну, черт возьми! Ну не правильно это. По крайней мере, в моих глазах.

Вскоре, он уже и домой возвращался не каждый день. Вместо этого он все чаще стал ночевать у родителей. Ну, а там, вы и сами понимаете, какие вливания в мозг ему совершали. Какие лекции он там выслушивал о том, что Алиса – это его ошибка на жизненном пути, пусть останется тайной их семьи.

А что Алиса? Несмотря ни на что, Алиса была самой счастливой матерью на планете. Потому что, наконец, ей было на кого проецировать всю свою безграничную любовь. Без ложных убеждений, без самообмана. То, чего она хотела больше всего – любить просто так, – стало явью в лице ее сына. И хоть любовь к ребенку, и любовь к мужчине сравнивать глупо, я знаю точно: в этом плане, в плане своей жажды любить ей стало несколько легче. И это уже была победа. С того момента, как родился Джери, я знала точно: теперь Алиса в безопасности, она не пропадет. Не потому, что рядом с ней был Райан, а потому, что рядом с ней был Джери. Понимаете, о чем я? Конечно, понимаете. Она невероятно уставала, она была издерганная, исхудавшая. Да просто измученная. Но не от тягот материнства, нет. Все, что было связано с Джери было для нее в кайф. Да, как и любая мать, она невероятно уставала, она нервничала, она волновалась и не спала ночами, и как любая другая мать, она ни на что не променяла бы эти моменты. Измученной она была от того, что человек, которому она доверила себя, доверила свою судьбу, доверила принести в этот мир вместе с ней новую жизнь, неумолимо от нее отстранялся. Она чувствовала себя преданной. И кем? Именно этим человеком. И в то время как Райан все более гнулся под влиянием своих родителей, Алиса все более погружалась

во мрак этих мыслей; мыслей о том, что она не нужна человеку, который должен был стать для нее нерушимой опорой.

Но человек этот не стал бороться за семейное счастье. Как некогда он проявил в отношении родителей непреклонность, так в следующий раз проявил симметричную безвольность. Едва Джери исполнился год, как Райан поддавшись влиянию родственников, подал на развод. Когда он говорил о своем решении Алисе, наверное, ожидал скандала, упреков и ругани, потому что выглядел он в тот момент, по ее словам, словно загнанный зверь. Но Алиса в ответ, лишь презрительно хмыкнула и ответила:

– Будь по-твоему. Твоя жизнь – ты и решай.

Но сказать, что ей было больно, это не сказать ничего. Ей было больно настолько, что если бы не Джери, я думаю, она могла бы покончить с собой. То предательство, которое она переживала, было для нее грязнее и отвратительнее десяти измен. Ощущение того, что ее чувствами наигрались, а затем вытерли об них ноги, было для нее невыносимым. Учитывая то, насколько по своей природе, Алиса верила в счастье семьи – для нее это было непомерное горе. Оскорбление души, оскорбление всего ее мировоззрения, оскорбление ее жизненной идеи. Крах всех надежд! Я думаю, я даже уверена, что она не могла даже представить себе такой конец просто потому, что не ожидала такого поступка по отношению к себе. Понимаете? Да, ей было тяжело, она раздражалась, она истерила, но, в конце концов, она была готова идти до конца. И она верила, несмотря ни на что, что и муж ее будет идти до конца, что они вместе пройдут этот сложный период, который должен был лишь укрепить их счастье, но не разрушить.

Но Райан довел дело до конца. Думаю, до того дня, как их брак был официально расторгнут, Алиса продолжала верить, что это либо розыгрыш, либо временное помешательство ее мужа, которое должно закончиться вот прямо сейчас, в следующий миг. То есть, до официального развода, в ней не замечалось кардинальных перемен, казалось, что она либо до конца не осознает сути происходящего, либо ей глубоко плевать. Даже когда я начинала говорить с ней на эту тему, то она реагировала с равнодушием такого типа, словно ее это вообще не касается. Ну, например:

- Алиса, как там Райан, не одумался?
- По поводу чего? – удивленно.
- По поводу развода.
- А... вроде бы, нет, – слегка задумчиво.

Будто речь о ее соседке. Разумеется, все изменилось, когда дело было сделано. Райан поступил невероятно благородно, это я иронизирую, и оставил дом в полное распоряжение Алисы... ну и своего сына. А сам переехал к родителям, кто бы сомневался? Не знаю, не хочу наговаривать, но вряд ли ошибусь, предположив, что родители Райана горячо молились, чтобы Алиса допустила некий промах в воспитании Джери, чтобы прибрать к своим рукам и внука.

И вот тут раны в душе Алисы начали кровоточить. И знаете, как выражалась ее боль в то время? Даже для меня это было чем-то новым... она растерялась. Не было агрессии, не было истерик, не было поливания грязью, не было даже ненависти. Я вообще сомневаюсь, что Алиса способна ненавидеть. Нет, не способна. Была только растерянность. Господи, это было невыносимо видеть, она была похожа на котенка, которого оторвали от материнского соска. Мир для нее усложнился в десятки раз, все стороны мира, понимаете? Эта детская растерянность сопровождала ее во всем, например, когда она ходила по супермаркету и выбирала продукты, со стороны можно было подумать, что эта девушка понятия не имеет, что она здесь делает. Идя по улице, она могла в упор смотреть на знакомого человека и не замечать его, пока тот первым не поздоровается или не заговорит. Могла слушать вас, не перебивая минут десять, но попросили бы вы повторить последние ваши слова, она бы не смогла. И так во всем, кроме сына. Казалось, что осознав в полной мере то, что произошло, осознав, что она теперь в одиночку будет

заниматься воспитанием ребенка, все ее внимание сконцентрировалось именно на нем, а все остальное стало пустым и неважным. Видя, в каком состоянии она пребывает, видя, что она просто вырвана из мира, и помещена в другой мир, где только она и ее сын, я взяла на работе месяц отпуска и переехала к ней, в Арстад. Не хочу показаться нескромной, но еще тогда, четыре года назад, я знала Алису гораздо лучше, чем Райан. И моей главной задачей было вернуть ей ощущение причастности к окружающему миру, не позволить ей продолжать погрязать в трясине одиночества и растерянного непонимания действительности. Как сейчас помню те времена – это был октябрь двенадцатого года, дожди лили без конца и без края, дополняя собой мрачную картину происходящего в том злополучном доме. Вообще, я люблю дождь, но тогда, даже меня подташнивало от вида за окном, от бесконечной пасмурности и слякоти. Первую неделю мне было страшно, даже жутко. Я никогда не видела Алису такой. Эта растерянность, про которую я все толкую, реально напугала меня, я была даже склонна подозревать, что Алиса немного не в себе. Что касалось сына, то придраться было не к чему, но что касалось себя... чего и говорить, настолько неухоженной и даже нездоровой я ее не видела никогда – ни до, ни после. Черт, я помню, невероятно боялась, что Райан попадется мне на глаза, потому что я бы не выдержала, не совладала бы с собой и просто плюнула бы ему в лицо. Он приезжал раз в две недели, в субботу, забирал Джери утром, и привозил вечером. Оба раза, когда я могла с ним столкнуться в эти дни, от греха подальше я сматывалась из дома – мне не хотелось устраивать эти спектакли, не хотелось лить масло в огонь. Но если бы все-таки мы встретились, думаю, и по сей день были бы заклятыми врагами. В эти субботы, Алисе было тяжелее всего. Не из-за того, что Джеральд проводил время с отцом, она не ревновала. А из-за того, что Джеральда просто нет рядом, понимаете? Смысл жизни пропадал на целый день, а при похожих обстоятельствах, даже один день без смысла, это очень много. Проблема была еще и в том, что глядя на Алису в первые две недели своего присутствия, я понятия не имела, как мне себя вести. Просто потому, что видела ее такой впервые в жизни. Я не знала, как лучше: пытаться ее взбодрить, как-то стимулировать, развеселить, в конце концов, или же, наоборот, дать ей время все самой осмыслить и самостоятельно вернуться к реальности. Я остановилась на втором варианте и по возможности старалась не навязываться чересчур усердно. Просто пыталась дать ей понять то, что лично мне казалось в тот момент самым важным: что она не одна, что ей есть на кого положиться. Я надеялась, что я не прогадаю с этой тактикой. Да, я никогда не видела Алису настолько растерянной, но душу ее все же знала довольно хорошо.

Примерно через две недели ее начало отпускать. Даже помню тот момент, когда я поняла, что здравый смысл начинает к ней возвращаться. Поздним вечером, мы сидели у камина в гостиной, Джери уже спал, а дождь все барабанил в окно. Я заметила, как Алиса пристально вглядывается в пламя огня, и по взгляду ее поняла, что некая мысль вихрем носится в ее голове, пробуждая в ней спящие эмоции. Она резко вскинула голову, посмотрела мне в лицо и в глазах ее я прочитала... ну, если не ужас, то крайнее изумление.

– Эль, – прошептала она, – что я здесь делаю? Что все мы здесь делаем? В этом мерзком, в этом отвратительном доме? В этом склепе?

Я знала, честное слово, предчувствовала, что именно подобный вопрос придет к ней в первую очередь, когда она начнет приходить в себя после шока. Но вот, что ответить, я не нашлась.

– Господи, – не дождавшись ответа, она закрыла лицо руками. – Это же дом этого ничтожества, это же оно купило этот дом. Здесь же все, по сути, принадлежит ему. Эль, ты понимаешь? У меня ведь нет ничего в материальном плане, кроме материнского пособия. Я ведь даже на работу устроиться не успела. Кроме родителей и тебя, мне не на кого рассчитывать. Господи, ведь это ничтожество просто выбросило меня на помойку жизни, уверенное в том, что мне некуда деваться. Уверенное в том, что я буду держаться за его дом и его подачки,

уверенное в том, что благополучие Джери перекроет во мне любые зачатки гордости. Но этого не будет, Эль. Не будет. Мы ведь справимся и без него, скажи мне! Мы ведь справимся?!

– Мы справимся, – ответила я, подошла к ней и крепко обняла.

– Эль, – прошептала она мне на ухо зловещим голосом.

– Что?

– Мне так отвратительно.

– Отлично. Отвращение – это отлично.

До сих пор я не знаю ни одного человека, который бы вызвал в Алисе ненависть, понимаете? Я не знаю, насколько сильный враг должен ей попасться, чтобы Алиса впустила в свое сердце ненависть. Она не умеет ненавидеть, просто потому, что она выше этого. Вот скажите, вы когда-нибудь видели, чтобы более сильный ненавидел более слабого? Я нет. Ненависть – это удел слабости, а силе больше к лицу презрение. Презрение такое, что даже ответить на оскорбление значит оскорбить себя еще сильнее. И да, на презрение, на отвращение Алиса способна. Потому, когда я услышала, что Райан ей отвратителен, я обрадовалась тому, что душа ее цела, что главные жизненные принципы остались нерушимы в этом, еще не таком уж взрослом, человеке.

Но вот дом... черт, этот гребанный дом! Помните, я говорила, что, скорее всего, Алиса не столько любила Райана, сколько убеждала себя в наличии этой любви. Так вот, с этим домом ситуация была очень похожая – Алиса начала убеждать себя в том, что она ненавидит его. Это очень важный момент, и вы поймете это ближе к концу моего рассказа. Она называла его склепом, либо кладбищем. В принципе, абсолютно объективно, потому что для нее он действительно был кладбищем надежд. Все, о чем она мечтала: о нормальной семье, о благополучной жизни в этом доме, о счастливом детстве своего сына в этом доме – все эти мечты были похоронены. Именно в этом доме. И именно из-за этих мечтаний и надежд, она его и любила. Да, на самом деле, она его любила, но убеждала себя в обратном. Приняв твердое решение покинуть его, она понимала, что переезд – это окончательный финал того этапа жизни, что оказался полной ложью. И начало нового этапа – неизвестного и весьма непредсказуемого.

Сначала, Алиса хотела вернуться в родительский дом, и родители ее только об этом и мечтали, но через пару дней она отвергла этот вариант – он казался ей шагом назад на ее жизненном пути. Она решила переехать в Санторин, и вы себе даже представить не можете, насколько счастливой я была от предчувствия того, что мы вновь будем постоянно рядом. У меня к тому времени уже была своя квартира, доставшаяся мне совместными с родителями усилиями, и я просто настаивала на том, чтобы Алиса и Джеральд жили у меня, честное слово – настаивала абсолютно искренне, места бы нам хватило всем. Но Алиса отказалась, по причинам, которые трудно объяснить, но которые легко понятны. Итак, в начале ноября двенадцатого года, когда у меня заканчивался отпуск, я покинула дом Алисы, вернее, дом Райана, с заданием в течение двух недель подыскать в Санторине подходящую квартиру – недорогую, но комфортабельную. Уезжая, я все еще ясно видела, что Алиса любит этот дом. Я все еще, с трудом представляла, каким усилием воли она осуществит этот переезд. Да, Райан был ей отвратителен, но на дом это отвращение так и не распространилось, хоть Алиса и пыталась себя в этом убедить. Да что говорить... квартиру я нашла уже на пятый день – отличный вариант, еще и в трех кварталах от меня, на улице Рембрандта. Риэлтор и хозяин квартиры торопили, потому что желающие были и кроме меня, но Алиса словно оттягивала момент. Сначала, она попросила еще три дня на сборы, потом внезапно приболел Джеральд, потом приболела она. Я предчувствовала такой поворот, а потому, сама подписала договор об аренде квартиры, и заплатила за три месяца вперед. Уж трех месяцев, как я думала, будет вполне достаточно, чтобы ситуация разрешилась.

Но все произошло гораздо быстрее – через две недели после моего отъезда из Арстада, и весьма печальным образом. Ранним утром меня разбудил ее звонок.

– Алло, – говорю я, и уже подсознательно предчувствую что-то плохое.

– Все, конец, – спустя трехсекундную паузу отвечает она, и по голосу я понимаю, что догадка моя верна.

– Что случилось, Алиса? – спрашиваю я дрогнувшим голосом.

– Я сожгла дом, – звучит мне в ответ.

– Что?! Как?! – я чуть телефон не выронила.

– Вот так, не знаю... не помню. Я бухая была. В подвале что-то воспламенилось...

– Ты цела?! Что с Джери?!

– Все в порядке, Джери был у своего папаши. Ты можешь приехать?

Разумеется, я приехала. Вы знаете, я сейчас не хочу подробно пересказывать все ужасы следующего месяца. Я и не смогу. Просто потому, что те чувства, те мысли, все то, что было пережито в те дни на эмоциональном уровне – вспомнить все это и рассказать сейчас, в спокойной обстановке, просто не представляется возможным. Попробуйте сами вспомнить какое-нибудь ужасное и роковое событие в своей жизни, или в жизни близкого вам человека. Событие, которое топило вас в негативных эмоциях, когда все вокруг было черно, вот попробуйте вспомнить и рассказать именно о своих чувствах. Это возможно, но невероятно тяжело. Да и неискренне получится, потому что те эмоции были неприкрытыми, шли напрямую из души, а спустя время власть рассудка, все равно, преподносит все в более рациональном свете. Вот именно тогда для Алисы и начался крошечный ад, в начале ноября двенадцатого года. Самый настоящий ад, продолжавшийся вплоть до июля пятнадцатого года, когда она волею судьбы оказалась втянутой в историю Перри Пейджа, которая, собственно, и отвлекла ее от этого ада. Именно поэтому, я и не хочу рассказывать о том, что творилось в душе Алисы в то время, потому что только ей одной это и известно. Что она пережила, что она передумала – я просто не хочу ошибиться в своих догадках, не хочу глупой психологической философии, еще и на фоне горя очень близкого человека. Согласитесь, что не очень приятно, когда начинают спекулировать на теме чужого горя. Поэтому попытаюсь быть краткой.

В общем, спасти дом пожарные не сумели. По свидетельству соседей, пожарных и полицейских, что прибыли на место происшествия – Алиса была пьяна. Не в хлам, но все же заметно. Вполне достаточно для того, чтобы в глазах общества превратиться в неблагополучную алкоголичку, в непутевую мать, и вообще, в социально опасный элемент. Людям что? Только дай пищу для сплетен, а остальное приложится, еще и обрастет такими красочными фактами, что вовек не отмыться. Алиса столкнулась с этим вплотную – одного раза хватило, чтобы стать объектом сочинений, в первую очередь на тему алкоголизма.

Почему я говорю – одного раза? Хоть Алиса, и не трезвенница, но она всегда знала меру. Даже не то, чтобы знала меру, просто всегда умела контролировать ситуацию; во многом эта привычка развилась в ней, благодаря тому, что приходилось еще и меня контролировать. Ну не склонна она просто к пьяной неадекватности, понимаете? Ничего похожего я за ней не помню. А уж после рождения Джери – два бокала пива или вина и все, точка. Крепкий алкоголь она вообще перестала употреблять. Почему в тот вечер она решила напиться? В то время я еще не понимала истинного смысла произошедшего. Я думала, она просто устала от душевизирующей боли, от бесконечной черноты мыслей по поводу предательства мужа и переезда в Санторин. Вот и сорвалась, и случилась беда. Так я думала.

О том, что было в следующие две недели после пожара, я рассказывать просто незачем. Повторю только, что это был ад, в который Алиса сама себя отправила. Сначала она этого даже не понимала... до того момента, как Райан сказал ей, что ребенок больше не будет жить с ней, что он переходит под его опеку и адвокаты уже вовсю работают над этим. Мечта его семейки вдруг стала реальностью – ни с того, ни с сего, как это часто и случается, появился стопроцентный шанс лишить Алису права растить сына. Опять же, возможно, сам Райан и не пошел бы на такой шаг, но вездесущее внушение мамочки с папочкой сыграло свою решающую роль.

Разумеется, шансов выиграть этот скоротечный процесс у Алисы не было никаких. Влияние, мнение окружающих – все было против нее. Видеться с сыном ей, конечно, не запретили, но воспитанием отныне занимался его отец, а по сути – бабушка с дедушкой.

То, что Алиса хотела убить себя, что эти мысли ее посещали, и не раз – это я знаю точно. Она не совершила глупости, только ради Джери, только ради его жизни. На свою жизнь ей стало наплевать, она потеряла для нее интерес. А убить Райана? Нет, он превратился для нее в пустое место. В борьбе двух душ она вновь одержала безоговорочную победу.

Иногда, я задаю себе вопрос: а что, если бы на месте Райана оказался... ну, например, мой брат? У меня нет брата, я просто предполагаю. Вот как бы я мыслила в таком случае. Просто винить Райана исключительно в том, что он попал под влияние родителей? Согласитесь, это немного глупо. Ведь все-таки, он был уже взрослым человеком, мог думать самостоятельно и умел принимать решения. И если бы он не хотел забрать ребенка к себе, он бы этого не сделал, так что валить все вину на его мать с отцом нельзя. И вот тут... ну, вот смотрите, ну как тут можно судить: с одной стороны Райан знал, что этот случай – исключение из правил, да, вопиющее исключение, что и говорить. Но, черт, он и сам прекрасно понимал: повториться такое может в одном случае из тысячи. А что самое главное: не только повториться, а произойти с любым человеком, и с ним в том числе. Но ведь старт дан, сомнения в душу закинута. Знать, что это может произойти – это одно, а знать, что это произошло и может повториться – совсем другое. Ага. В одном случае из тысячи – но ведь может. А он отец, и имеет ли он право подвергать жизнь своего ребенка опасности? Разумеется, нет.

И что вы думаете, Алиса этого не понимала? Все она прекрасно понимала. У нее забрали ребенка, смысл ее жизни, потому что она способна причинить ему вред. Вот, что было для нее самым страшным: научиться жить с мыслью, что в глазах общества, за исключением самых близких людей, она не смогла справиться с обязанностями материнства, она представляет потенциальную угрозу для своего ребенка. Это страшно! Нужно ли еще что-то добавлять? Когда ее сын растет не на ее глазах, а на глазах чужой женщины. Когда каждый вечер она представляет, что вот на следующих выходных, когда она вновь приедет за ним, то услышит, как он обращается к новой жене Райана: «мама». Когда она укладывает его спать один раз в неделю, а папа с чужой женщиной шесть. Когда она пытается в два дня вместить всю свою любовь и нежность, и эти любовь и нежность прорываются нестерпимым потоком слез, и малыш спрашивает ее: «Мама, почему ты плачешь?», а она в ответ плачет еще сильнее. Алиса – лучшая мать из всех, каких я видела. Но она допустила ошибку. Райан этим воспользовался, но судить его... я не знаю, думайте сами. Мое мнение останется при мне.

Вот так вот, дорогие друзья.

Ближе к концу ноября, Алиса переехала в Санторин, в квартиру на улице Рембрандта, что я арендовала для них с Джеральдом; жаль, что судьба распорядилась немного иначе. Да, Райан женился во второй раз, спустя, примерно год, после развода с Алисой. На девушке из простой семьи – видимо, его влекло именно к таким, опять же, как я думаю, из чувства противоречия. Знаю, что к новой невестке родители отнеслись более лояльно, в силу того, что девушка эта была абсолютно безвольной и покорной, как рабыня. Из нее можно было веревки вить, указывать, даже приказывать, учить, как жить и все прочее, что было необходимо для таких людей, как родители Райана. Вы не подумайте, что я предвзято отношусь к людям из высшего света, ни в коем случае. Я с такими людьми и не имела тесных взаимоотношений никогда в жизни. Я сужу о родителях Райана, исключительно по их поведению, а не по социальному статусу, и более того, я их не осуждаю. Я прекрасно понимаю, что жизнь всем промывала мозги по-своему. Не знаю о чем думала эта Джейн, так ее зовут, когда принимала предложение Райана... наверное, об успешной партии, о благосостоянии, о том, что сможет наладить отношения с родными мужа. Я видела ее один раз, и как мне показалось, эта девушка настолько тихая и покладистая, что просто не могла сказать «нет», даже если хотела. Полная противополож-

ность Алисы, и конечно, это вполне устраивало консервативную семейку Райана, натерпевшуюся от предыдущей невестки. Алисе было невероятно жаль эту Джейн, она не испытывала к ней никакой личной неприязни. Только ужасную ревность, потому что девушка эта была еще и очень добра, по своей природе, и с Джери была искренне ласковой и нежной. Она даже просила прощения у Алисы за столь теплое отношение к ребенку, она понимала, что перебивать мать в сердце сына неправильно, но так выходило само по себе. Алиса только горько усмехалась.

О чем еще сказать, прежде чем приступить к главной части рассказа? Как жила Алиса в течение этих почти двух с половиной лет, после развода с мужем до начала той роковой истории? По инерции она жила. От выходных до выходных. Утром в субботу она ехала в Арстад, забирала Джери, а в воскресенье вечером отвозила обратно. И в этих двух днях в неделю, и заключалась вся ее жизнь, весь ее смысл. Нет, не то, чтобы Алиса превратилась в социопата и целыми днями только и жалела себя, сетуя на несчастливую судьбу. Наоборот, незнакомому или малознакомому человеку она, совершенно справедливо, казалась абсолютно адекватной девушкой. Почти сразу, после переезда она устроилась в ту же редакцию, где работала и я, – в одном из ведущих издательств страны, – и по сей день, кстати, работаю. На работе она очень быстро создала себе отличную репутацию, потому что трудилась с завидным усердием, скорее всего, это был еще один способ отвлечься от плохих мыслей. Зарплата, соответственно, была у нее весьма неплохая, она и первую машину себе вскоре купила, гордилась этим, кстати. И погулять была не против, в бар сходить или в кино. И повеселиться могла, и от парней не шарахалась. Они от нее в большей степени шарахались. Все главные составляющие ее характера никуда не делись, и это было замечательно. Несмотря на свою горе, она смогла сохранить себя – это главное. Понимаете, Алиса просто закопала эту боль в самые глубины своей души и никому не позволяла прикасаться к этой боли. Никому, кроме меня и своих родителей – самых близких для нее людей. Да, у нее случались черные депрессии, случались постоянно, ну а как по-другому? Боль в ней была постоянно, она просто жила с ней. Эта боль была для нее святой, понимаете? Только ее и ничьей больше. Эта боль не ослабевала ни на день, ни на минуту, наоборот, она только усиливалась. От себя ведь не убежишь, правильно? От самобичевания не спасешься, от мыслей «а что было бы, если бы...». От визуализации другой жизни – где сын рядом с ней, – не спрячешься даже во сне. И все это прогрессировало, и к маю пятнадцатого года достигло кульминационной стадии. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы судьба не послала нам Перри Пейджа, и если бы Мик окончательно не начал сходить с ума.

Догадывалась ли я о том, что Алиса играет определенную роль в жизни Мика? Если честно, то нет. Я помню, когда Алиса переехала в Санторин, я повела ее в «Туман», и там, за стойкой сидел Мик. Потом мы несколько раз отдыхали в общих компаниях, чисто по случайности, иногда пересекались все в том же «Тумане», либо в каком-нибудь другом баре. Но чтобы по Мику было заметно, что он равнодушен к Алисе? Лично я не замечала. Другое дело, что я помню его еще до того, как Алиса переехала в Санторин – у нас были чисто приятельские отношения, – и помню его весьма обаятельным, приятным и иногда веселым молодым человеком. К тому же времени, когда познакомился с Алисой, Мик уже был невероятно замкнут, даже угрюм, какой-то ореол мрака создавал вокруг себя. Что-то не очень хорошее читалось в нем. Не знаю, может, мне просто хочется так думать, но знаете, он был похож на персонажа голливудского триллера – сам мрачный, в одежде темные тона, ироничная улыбка на губах, сигареты и спиртное, замкнутость – он одновременно вызывал боязливый интерес, и отторжение. Ну, а Алиса, так и подавно ничего не подозревала. Да и что было подозревать? Он ведь и виду не показывал никакого, ничем себя не выдавал. Потом и вовсе исчез с поля зрения, предпочитая спиваться в одиночестве. Насколько я помню, в Алисе он не вызвал никаких чувств, ни легкой симпатии, ни легкой неприязни, вообще, абсолютное равнодушие. Я помню, только один раз, она вспомнила о нем, когда его не было рядом, и то – просто сослалась на какую-то

его цитату. И все. А, наверное, было бы забавно, если бы Алиса, чувствовала к Мику что-то серьезнее, правда? Но ей было не до него.

На дворе была весна пятнадцатого года. Еще в начале мая, я стала замечать, что с Алисой происходит что-то не то – она, словно, отдалялась. Вернее, происходило все то же самое, но в более жестком виде. Я видела, что вновь ее душа готова кричать и плакать вслух, но как всегда в таких случаях, Алиса предпочитала оставаться наедине со своими мыслями, не вмешивая никого в мир своих терзаний. Если раньше в периоды обострения, в периоды депрессий, она все равно, оставляла свои проблемы дома, а на работе пыталась выглядеть максимально расслабленной, то теперь она и об этом не заботилась. Придет, отработает и уйдет. В том смысле, что за целый день она могла и слова не вымолвить, могла даже не поздороваться. Избегала совместных обедов, если кто-то старался завести с ней беседу, то раздражалась, рискуя испортить отношения с коллегами. Если я намекала посидеть в кафе после работы или на выходных, она лишь отмахивалась, ссылаясь на головную боль или что-то в этом роде. Вот сидит она в офисе за компьютером, работает, работает, а потом раз и замрет, устремив сосредоточенный и пристальный взгляд куда-то в пустоту. И сидит так, не двигаясь, минут пять. Только глаза изредка прищуривает, словно обдумывает что-то очень сложное, и усмехается. Такой странной, знаете, словно безнадежной усмешкой, мол «ну и ладно». Я все ждала, когда она мне сама позвонит вечером, позовет куда-нибудь, захочет высказаться. В случае с Алисой именно так: нет смысла лезть к ней в душу, пока она сама туда не позовет, и обычно так и бывало – рано или поздно, она всегда мне высказывалась, словно закрывала очередную главу. Но не в этот раз. За два с половиной года она ни разу не брала отпуск, а тут вдруг взяла неделю в двадцатых числах, сославшись на усталость. Я не особо поверила, потому что знала, что работа всегда спасала ее, да и вообще – решение это было словно спонтанное. Будто она проснулась утром и решила, что сегодня возьмет отпуск, ни о каких планах она мне не рассказывала накануне. Я помню, предложила ей, мол, давай я тоже возьму неделю и съездим куда-нибудь отдохнуть, да хоть на Карленское озеро. Но никакого энтузиазма мое предложение не встретило, напротив, как мне показалось, по выражению ее лица, она словно сказала про себя: «Ну, какого хрена, ты постоянно лезешь? Дай хоть немного побыть одной». Ну, а вслух сказала:

– Нет, Эль, я не настроена. Я, правда, очень устала, и хочу просто отлежаться.

Да, она устала, но не думаю, что только от работы. Она устала от всего в целом – от окружающего мира, от людей, от пустых разговоров, от наигранных улыбок. От всего, до чего, по сути, ей не было дела. Я прекрасно понимала, что одиночество в таком состоянии может усугубить ее моральное состояние, но что я могла сделать? Начать давать советы, учить ее жизни? Глупости, и я, и Алиса прекрасно понимали, что живем мы не совсем правильно, и никогда жить никого не учили, друг друга в том числе. Она и так знала, что я рядом, что мне можно позвонить в любой момент, хоть ночью, и я приду. Но она, словно, приняла решение отбыть недельный срок заключения под стражей, без каких-либо контактов с внешним миром. Когда я звонила узнать, как у нее дела, она либо просто не отвечала, либо старалась, как можно быстрее закончить разговор. Очень мне это все не нравилось, очень тревожные мысли во мне вызывало ее поведение. Точнее, не мысли, а чувства – неосознанная тревога нарастала во мне день за днем. Помню, на четвертый день ее отпуска, в четверг, двадцать восьмого мая, эта тревога достигла во мне апогея, не знаю почему, просто подсознательно, повторяю. Я звонила ей раз семь, просто, чтобы узнать, что с ней все в порядке, но она не отвечала. Хоть у нас с ней и водится практика приходить без приглашения, я прекрасно понимала, что неурочным визитом могу накликать на себя гнев, понимала, что, скорее всего, она просто не хочет меня видеть. Но в тот раз, мне было глубоко плевать, что там хочет Алиса, на ее гнев, и на ее личное пространство. Когда я пришла, она долго не открывала дверь, но я не уходила, стараясь скрыть

тревогу за напускным раздражением. Когда она все же открыла дверь, по ее покрасневшим глазам, я поняла, что она недавно плакала.

– Что за приколы? – быть раздраженной у меня так и не получилось; мне уже, с порога, хотелось обнять ее и утешить. – Почему на звонки не отвечаем?

– Я спала, Эль, – она произнесла эти слова таким тоном, словно раскаивалась. – Заходи.

– Ты спала целый день?

– Практически да.

– Алиса, я переживаю за тебя, – сказала я, проходя в гостиную ее квартиры.

– Да все нормально, чего ты? – усталым голосом ответила она, и прилегла на диван, стараясь не встречаться со мной взглядами.

– Где же нормально? – я села на пол напротив нее. – Ты же ревела.

– Ревела, – равнодушно ответила она.

Да и вся она, в целом, выражала какое-то зловещее равнодушие. Вот правда, смотрела на нее в тот момент, и по лицу ее читала: да хоть потоп. Взяла ее за руку, она в ответ слегка шевельнула пальцами.

– Алиса, девочка ты моя золотая, – ничего другого я не придумала.

– Больно, Эль, – ответила она, прикрыв глаза свободной рукой. – Больно.

Секунд тридцать мы молчали. Я знала, что ей больно, и знала, что мои слова вряд ли ей помогут.

– Знаешь, чего мне иногда хочется? – заговорила она. – Выдуманной боли, несуществующей. Вот так, посмотришь иногда на некоторых людей, и прямо зависть берет – такая у них боль красивая. Выдуманная боль, прямо литературно расписанная, просто посмотришь на эту боль, и оторваться не можешь. Хочу себе такую боль. С ней комфортно. Чувствуешь, что душа подсыхает, что свежести просит – так вот же оно – мое страдание. Сейчас, сейчас, сядем, погрузим, выпьем немного, и сразу так хорошо станет. Самое классное, что прогрессировать можно, плацдарм для фантазии просто огромный – додумывай и додумывай. Страдания, по сути, и нет, оно искусственное, создано от скуки, значит и накидывать на него можно все дальше и дальше. А может, не от скуки, может костюм такой. И, черт возьми, мода ведь на эти костюмы не проходит не в одни времена, не в одном обществе. Одним нравится играть в психологов, другим выглядеть несчастными жертвами страданий, в которых они как рыба в воде. Ведь встречала и ты таких людей – они же повсюду, в своих костюмах. И зачастую, такой интерес вызывают, так интересно послушать их душещипательную историю, разделить с ними печаль, так это мило. Да, Эль, выдуманная боль – это прекрасно. Ничего общего с настоящей болью, ничего. С уродливой и черной настоящей болью. Такую не любят, от такой отворачиваются. Люди, живущие с реальной болью – это раковая опухоль в организме правильного общества. Отверженные. Я так устала. Просто устала. Я так хочу себе костюм из искусственной боли.

У меня слезы текли по щекам, но я не хотела, чтобы Алиса их видела, ей бы они не помогли. Я поцеловала ее руку и отошла к окну.

– Пойдем в «Туман» сходим, а? Алиса, нужно немножко расслабиться, нужно посмотреть на выдуманную боль, нужно позавидовать. Зависть – тоже чувство, а чувствовать необходимо, сама знаешь.

– Знаю, – она усмехнулась. – Не хочу в «Туман». У меня пиво есть, будешь? Давай лучше дома посидим.

– Давай так.

Она сползла с дивана и вышла на кухню.

Алиса жила на четвертом этаже, окна ее квартиры выходили в небольшой сквер на другой стороне улицы. Помню, я бесцельным взором окинула площадь сквера, и задержала взгляд на парне, который сидел на одной из лавок, обхватив голову руками и глядя себе под ноги.

Но в следующую секунду он встал, и я узнала... Мика Флеминга. Мне даже показалось, что он взглянул в мою сторону, после чего быстрым шагом двинулся прочь из сквера.

– Смотри-ка, Мик Флеминг, – сказала я Алисе, принимая от нее бокал пива. Сказала совершенно равнодушно, потому что и не особо удивилась. Чему, собственно, было удивляться?

– Чипсы будешь? – Алиса словно не услышала мое замечание.

– Ага. Станный он какой-то. Симпатичный, но чересчур странный.

Мы выпили по два бокала пива, поболтали на отвлеченные темы, несколько раз Алиса даже засмеялась. Когда я уходила, мне показалось, что она немного развеялась, что мой визит пошел ей на пользу. Вообще, я редко ошибаюсь в ее эмоциях, но в тот раз, был именно такой случай – я ошиблась. Думаю, как только я переступила ее порог, и она закрыла за мной дверь, тоска накатила на нее с удвоенной силой, и она вновь плакала.

Был десятый час вечера, начинали стгущаться вечерние сумерки. Честное слово, когда я приняла решение зайти в «Туман», я совершенно не думала о Мике. К тому же, в последнее время, он там уже практически не появлялся. Однако же, когда я вошла в бар, Мик находился именно там, по привычке сидел за стойкой, перед ним стоял бокал пива.

– Привет, Мик, как дела? – поздоровалась я.

Он вскинул на меня удивленный взгляд, даже непонимающий, словно я вырвала его из глубокого раздумья. Секунды три он тупо смотрел мне в лицо, затем покачал головой и отвел глаза.

– Привет, – равнодушно сказал он. – Нормально, а ты как?

– Да тоже ничего. Можно кофе выпью рядом с тобой?

– Да, пожалуйста, – ответил он, продолжая избегать моего взгляда.

Я попросила у бармена кофе. Мне быстро стало ясно, что Мик не настроен на беседу, более того, я почувствовала, что мое присутствие для него некстати. По бесцельно скользющему взгляду, по неловким движениям его рук, в нем читалось моральное напряжение. Было в нем что-то неумолимо отталкивающее. Вернее в том, что он скрывал в своей душе. Что-то творилось с ним, но тогда меня это не особо интересовало. А потому выпив свой кофе, и перекинувшись с ним еще несколькими фразами приличия, я оставила его в столь желанном гордом одиночестве, и отправилась домой.

Я помню вот что: когда я вышла из «Тумана», мне вдруг показалось, что только что я сидела рядом с человеком, который исполнен лжи. Может, именно это так отталкивало в нем?

Ложь. Что она способна делать с людьми, в какие крайности она способна бросать наши души. В какой культ мы иногда возводим ложь, чтобы припрятать собственные недостатки, собственные страхи. На какие же извращенные приемы способен наш разум, чтобы подогнать реальность под ложь, чтобы утвердиться в этой лжи. Не можем мы жить без нее, так и не научились быть искренними, так и бредем по иллюзорно гладкой дороге лжи. Все те же грешники, претендующие на святость, и уверенные, что способны шевелить чужие сердца. Все так же мы принимаем падение за подъем, по-прежнему несемся в бездну, и жаждем прихватить с собой еще кого-нибудь. Все так же мы жаждем любви, все так же наш эгоизм не позволяет нам смириться с правдой. Всех нас согнула ложь. Потому что боимся страданий, и глупо нас за это упрекать. Да, похоже, правда всегда идет рядом со страданием. Чем больше в жизни страданий, тем больше познаешь себя. Чем больше познаешь себя, тем ближе приходишь к правде. Так неужели, все-таки, это не шутки? Неужели страдания действительно очищают душу? Неужели внутренняя чистота дается лишь путем страданий? Господи, как же не хочется в это верить, но все чаще я убеждаюсь именно в этом.

В субботу, тридцатого мая, в двенадцатом часу ночи, когда я уже собиралась лечь спать позвонила Алиса. Голос ее был взволнованным, даже возбужденным, при этом еще и звенящим, словно она вот-вот сорвется на крик.

- Эль, приходи, пожалуйста, прямо сейчас, – говорила она.
- Что случилось, дорогая? С Джери все в порядке?
- Все в порядке, я сегодня не ездила в Арстад. Пожалуйста, Эль, приходи скорее.
- Сейчас буду, не волнуйся.

За два с половиной года, это был первый раз, когда Алиса не поехала к ребенку. Я даже представить не могла, что могло произойти, чтобы сорвать эту плановую поездку. Когда я оказалась в квартире Алисы, она только дверь успела за мной закрыть, и из глаз ее в два ручья хлынули слезы. Прямо у входной двери, она просто упала на пол, заливаясь слезами, и обхватила руками мои колени. Это было ужасно – скажу честно. Один из самых тяжелых вечеров в моей жизни, столько боли было в ее плаче, столько душевного крика, столько мольбы... конкретный такой выплеск, понимаете? Я села рядом, и крепко прижав ее к груди, плакала вместе с ней. Честное слово, мне хотелось хоть горсть ее боли забрать себе, хоть самую малость. Первые пять минут, она не могла сказать ни слова, ее давили рыдания, душераздирающие стоны вырывались из ее груди. Она старалась успокоиться, чтобы заговорить, но вместо слов, вновь был лишь глухой стон.

– Я... я не хочу... не хочу так жить, – наконец произнесла она, захлебываясь в слезах, и с силой вцепилась мне в плечи. – Я не хочу жить, Эль.

Я лишь крепче обнимала ее и плакала вместе с ней, что еще я могла сделать? Слова были лишними. А Алиса продолжала рыдать навзрыд и повторять, что она не хочет жить. Слышать и видеть это, было невыносимо, врагу не пожелаешь. Она была похожа на извергающийся вулкан, она билась в судорожных стенаниях, и вместо лавы, смешиваясь со слезами, из нее потоками лилась боль. Кошмар этот длился минут двадцать. Когда же она немного успокоилась, я помогла ей подняться и лечь на диван, на котором валялось несколько помятых бумажных платков, мокрых от слез. Я собрала их и вышла на кухню, чтобы выбросить, и в пакете с мусором я увидела... петлю. Настоящую петлю, словно опытный палач ее смастерил. Меня сначала обдало могильным холодом, а затем бросило в жар, ноги подкосились, я опустилась на колени и осторожно, словно, она могла взорваться, вытащила эту отвратительную вещь на свет. Петля была из тонкой, но прочной, гибкой веревки; чувствуя невероятное отвращение, я швырнула ее обратно в пакет, пакет завязала, и, открыв входную дверь оставила его на площадке, чтобы выбросить на обратном пути. После чего бросилась к подруге, и крепко прижала ее к себе. Слезы уже были лишними.

– Вон там... – слабым голосом говорила она, указывая на массивный кронштейн под потолком в гостиной, оставшийся еще от предыдущих жильцов. – Я повесила ее туда вчера утром, а сняла... сняла буквально, перед тем как позвонить тебе. Я просто... просто два дня ходила и любовалась на нее... дразнила себя, провоцировала. Смогу или нет? Сидела вот здесь же, и смотрела на нее... и так она влекла... и так страшно. И словно говорила мне: «Давай же, чего смотреть, чего время тянуть? Давай же, сделай это». И так страшно...

– Милая, что ты с собой делаешь? До чего ты дошла? Зачем ты так себя доводишь? – говорила я, заглядывая в ее измученные глаза.

– Страшно, Эль, – продолжала она шептать высохшими губами. – Везде страшно. Куда не сунься – везде страшно. Эта боль, и эта любовь... они воюют за меня. Только ради любви к сыну, я и существую.

– Если ради любви, значит не существуешь... а живешь самой настоящей жизнью, – прошептала я.

– Все это лирика. Ты даже не представляешь, что мне рассказала петля за эти два дня, даже не представляешь. На сколько, ранее скрытых от меня, вещей, она открыла мне глаза. Все философы и психологи мира не смогли бы открыть мне такие глубины сознания, какие открыла петля. Кусок веревки смог вытащить из меня наружу то, что казалось похороненным в моей душе. Бездушный кусок веревки оказался самым душевным и умным собеседником. Я

ведь не боюсь смерти, Эль. Правда, не боюсь. Это мне петля сказала. Но также петля сказала мне, что я очень люблю жизнь. Сказала, что я очень хочу жить. Но я не чувствую этого, Эль. Наоборот, я чувствую, что не хочу жить. Но петля не могла соврать, просто не могла.

Повторю, это была одна из самых зловещих ночей в моей жизни, именно на эмоциональном уровне. И не из-за того, что Алиса смерть в гости приглашала, а из-за того, что призрак душевных терзаний, который уже давно поселился в этих стенах, разгулялся в ту ночь не на шутку. Какой-то неприкрытый мрак человеческого естества царил в стенах ее квартиры. Эта чернота казалась материальной, хоть руками хватай. Мы тонули в этой черноте.

– Эль... не было никакого замыкания проводки в подвале. Даже не знаю, какие идиоты там работали, что сделали такое заключение. И я не была пьяной в хлам. Это я сожгла дом. Я спустилась в подвал с канистрой бензина и подожгла его, а потом вышла и смотрела на то, как умирают остатки надежд, что теплились в моем наивном сердце. Смотрела и уже не чувствовала боль, а наоборот, какой-то животный кайф играл в моей душе. Эль, самое страшное, что поступок этот был обдуманным, я хотела это сделать, и я это сделала. Последствия были не обдуманны, понимаешь? Я сама подписала себе этот приговор, только я, и никто другой. Я сама, лично я, лишила себя счастья воспитывать своего ребенка.

Эта новость, спустя два с половиной года после пожара, стала для меня настоящим шоком. Я помню, подняла голову и глазами, полными ужаса, смотрела ей в лицо, а ее, казалось, пустой взгляд был устремлен в потолок. Теперь вы понимаете, что чувствовала Алиса? Тот ад, через который она проходила, оказывается, был результатом не несчастного случая, а ее последовательных действий. Вот, что убивало ее больше всего: ее роковая роль. Некого винить, кроме себя, некого ненавидеть, кроме себя, некому желать смерти, кроме себя.

– Хоть бы убил меня кто, раз сама не могу. Петля сказала, что я хочу жить, так почему я этого не чувствую? Да и кто меня убьет? Кому я нужна? Меня и убить не за что, – говорила она.

А на следующий день мне позвонил Бен Флеминг и попросил встретиться. То, что я услышала от него, добило меня окончательно.

ИЮНЬ 2015

Рассказывает Антонио Сальгадо

В былые времена он приходил буквально каждый день. Не могу сказать, что он был крайне обаятельным человеком, чтобы вызывать желание близкого знакомства. Придет, поздоровается, улыбнется, закажет коньяка и пива, раз пять попросит повторить, перекинется несколькими фразами, иногда поболтает, а ближе к закрытию, несмотря на обилие выпитого, твердой походкой покинет бар, не забыв оставить чаевых. Причем покинет неизменно в настроении, гораздо худшем и мрачном, нежели в каком приходил. У меня часто складывалось впечатление, что алкоголь вытесняет из Мика веселость и позитив, если они вообще в нем имелись. По мере опьянения, если он был настроен на беседу со мной, или же с кем-то из гостей, также расположившихся за стойкой, Мик вел себя, обычно, двумя способами. В первом случае он все пытался склонить собеседника в русло каких-либо мрачных философских рассуждений, на темы тщетности бытия, бессмысленности нашего существования, черных закоулках человеческого сознания и тому подобного. Во втором случае, Мик начинал сыпать ирониями и сарказмом, порой доводя свои насмешки до степени крайнего цинизма, очень часто приближаясь к некой черте, за которой, лично для меня, шутка уже переставала быть шуткой, а превращалась в откровенное кощунство. Причем насмехаться он любил над своими же собственными мыслями и идеями, о которых еще два дня назад говорил с выражением крайней серьезности, близкой к некоему типу отчаяния. В основном, для окружающих людей, как для мужчин, так и для женщин, Флеминг был человеком отталкивающим. Несмотря на наличие приятной внешности, стильной одежды, образованности, достатка. Какой-то мрак от него исходил, причем не интересный мрак, а такой, о котором хочется остаться в полном неведении.

Так было ранее. А примерно последние два года до интересующего вас периода времени, он стал появляться гораздо реже – раз в две недели, может, или раз в месяц. И ни о какой, даже отдаленной, заинтересованности в общении с кем-либо не было даже речи. Он превратился в отшельника, в изгоя по собственной воле, и еще сильнее провоцировал атмосферу неприятия, которой сторонились другие люди. Его одиночество не выглядело примитивным способом привлечения внимания, как это часто бывает, но в то же время, у меня создавалось впечатление, что больше всего Мик жаждет именно внимания. Хоть сам он об этом едва догадывается. И еще одно: если во времена постоянной дислокации в «Тумане» он всегда вел себя адекватно, сколько бы ни выпил, то в последнее время он стал напиваться до такой степени, что когда я вызывал ему такси, с трудом вспоминал номер своего дома.

Четвертого июня пятнадцатого года, в дождливый вечер четверга, я работал один. «Туман», в принципе, бар небольшой, много народа не вместит, но в тот день не было вообще никого, возможно, из-за сильного дождя, что лил целый день. Когда я увидел входящего Мика, то даже порадовался, что хотя бы не буду коротать этот пасмурный вечер в полном одиночестве. Мик был одет в черные джинсы, черную майку, и черную кожаную куртку – сама чернота. Куртку, видимо, одел, чтоб хоть немного защититься от дождя, но это мало помогло – зонта с ним не было, и промок он до нитки. Бегло оглянул помещение и заметил с легкой улыбкой:

– Ого, какая вечеринка. Меня только и не хватает.

– Привет, Мик, – улыбнулся я в ответ, и протянул ему руку. – В такую погоду не лень тебе гулять, а?

– В такую погоду сидеть дома, это подвергать опасности свои нервы, – ответил он, пожимая мою руку. – Пусть дома сидят те, у кого с нервами все в порядке. А у меня с ними серьезные проблемы, – говорил он серьезно, словно делал признание.

– Пришел подлечиться?

– Абсолютно верно, мой дорогой друг. Абсолютно верно.

Он сел на свое любимое место, чуть правее центра стойки, и взяв несколько салфеток, отер ими мокрое от дождя лицо.

– Может чаю? Согреться, – предложил я.

– Нет. Пятьдесят водки и бокал пива.

Пока я наливал, Мик хранил молчание, глядя куда-то в угол потолка, и придерживая подбородок правой рукой.

– Что нового? – спросил я по привычке. По правде говоря, я просто не знал, что еще спрашивать у Мика при встрече. Я знал наверняка, что он очень не любит говорить о работе, так как работал на отца, и что-то его не устраивало, что именно я не в курсе. Женат он тоже не был, даже девушки не было, насколько мне было известно, поэтому говорить о семье тоже не приходилось. Вообще, дело даже не в этом. Есть много неженатых людей, не любящих разговоры о работе, но никаких стеснений при общении с ними не возникает. Тут проблема была в Мике: с ним просто было довольно сложно общаться. Какой-то невидимый барьер существовал между Миком и собеседником, который установил именно первый, и барьер этот, казалось, мог исчезнуть лишь по его воле.

Прошло две секунды, но ответа на свой вопрос я не получил. Подождал еще две и повторил, уже громче:

– Как дела говорю?!

Мик дернулся всем телом, словно от испуга, и устремил на меня взгляд широко открытых глаз. Похоже, мой возглас, действительно, стал для него полной неожиданностью и вырвал из лабиринта мыслей, в который он успел углубиться буквально за полминуты.

– Ты чего орешь? – Мик встряхнул головой, и слегка улыбнулся.

– Чтобы ты не засыпал, – усмехнулся я, ставя перед ним рюмку водки с кусочком лимона и бокал пива.

Он тут же выпил водку, поморщился, откусив лимон, и, откинувшись на спинку высокого стула, протянул:

– Вот так значительно лучше.

– Давно тебя не видел, – сказал я.

– Ага, – согласился Мик и опустил взгляд.

Я расценил такую манеру, как нежелание завязывать разговор, и поспешил заняться наведением порядка на полках с напитками. Минут пятнадцать прошли в молчании, которое, как мне казалось, устраивало Мика, но лично мне доставляло некоторый дискомфорт. Он нарушил тишину, когда допил первый бокал и попросил повторить заказ.

– Что-то ты совсем не в духе, – сказал я. Просто, чтобы что-нибудь сказать.

– Да так... есть о чем подумать.

– Ты, похоже, любишь думать, – усмехнулся я.

– Ненавижу, – процедил Мик, не оценив моего юмора, выпил вторую рюмку, затем резко обернулся и посмотрел на входную дверь. Затем, вновь повернувшись ко мне, произнес: – Непростительный грех, правда?

– Не любить думать? – уточнил я, придумывая себе занятие.

– Ага.

– Покайся, бог простит.

Мик внимательно посмотрел мне в глаза, усмехнулся и отвел взгляд.

– Нет никакого бога, – сказал он, помолчал и продолжил: – А если и есть, то пусть, потом, после смерти, меня схватят за волосы и носом натыкают в сущность всех этих понятий, которые доставляют нам столько хлопот. Пусть силой объяснят мне: что такое жизнь, что такое любовь, что такое война, и еще раз, что такое жизнь. Не хочу по-хорошему, понимаешь, Тони?

– По вере дается, Мик.

Он пожал плечами и сделал несколько больших глотков пива.

– Может быть. В любом случае, вера в бога – это в первую очередь попытка избежать ада.

Он вновь обернулся и посмотрел на входную дверь, остановив на ней взгляд секунды на две.

– Ты кого-то ждешь? – спросил я.

Мик удивленно посмотрел на меня, и я заметил в выражении его лица оттенок презрения. Не ко мне, а именно к моему вопросу.

– Нет, не жду.

Не знаю, в тот ли момент меня впервые посетила эта мысль, думаю, все-таки нет. Но осознал ее во всей полноте я именно в тот момент, когда Мик неосознанно посмотрел на входную дверь, хоть никого и не ждал. Он был, наверное, самым одиноким человеком из всех, каких мне приходилось видеть к тому моменту, за двадцать три года жизни. Он был просто в плену одиночества, которое его убивало, но от которого он уже не мог отказаться. Это одиночество въелось в его натуру, он сам в себя вдолбил это одиночество тем способом, о котором он упоминал, говоря о том, как хочет постигнуть понимание жизни, любви, смерти. Человек, который мог быть счастливым, осознанно убегал от счастья. Такой эгоизм по отношению к жизни, в тот момент вызвал во мне отвращение по отношению к Мику. Знаете, есть люди, которые любят себя жалеть, даже если к этому нет веских причин. Но они уже просто влюблены в жалость к себе, они не могут расстаться с образом несчастного и обделенного. Так же есть какая-то непонятная грусть, к которой некоторые люди постоянно возвращаются, если хоть раз в жизни ее почувствуют. Я видел такую грусть в глазах многих людей, которые пили только ради того, чтобы алкоголь пробудил сентиментальность и вновь вызвал эту грусть на поверхность сознания; приятную грусть, что делает счастливым, и природу которой трудно объяснить. А Мик издевался над собой при помощи одиночества. Есть люди, которые любят одиночество, но Мик к ним не относился. Мик терпеть его не мог, но заставлял себя терпеть. Почему? Одному ему это было известно.

Он презирал саму вероятность того, что он может кого-то ждать. Но он ждал. Где-то в глубинах своего подсознания он постоянно ждал, и это ожидание вырывалось наружу неосознанными взглядами на входную дверь. И тогда, в тот дождливый четверг, сидя с кружкой пива, мрачный и депрессивный Мик Флеминг, человек, падающий в пропасть собственного безумия и алкоголизма, не подозревал, что все заканчивается, что привычная жизнь безвозвратно от него ускользает. Вспоминая тот и следующий вечер сейчас, спустя год, я даже смею допустить, что не было никаких совпадений. Возможно, это было вмешательство providения, что-то действительно мистическое.

Помню, мы вновь погрузились в молчание, Мик пил свое пиво, а я, вроде бы, натирал винные фужеры, когда входная дверь открылась, и в бар вошел молодой человек, лет тридцати. Мик, когда услышал, что открылась входная дверь, дернулся всем телом, как от удара током, и, обернувшись, уставился на нового гостя. Парень беглым взглядом окинул пустой зал, затем остановил его на мне и, улыбнувшись, заговорил:

– Здорово, ребят. Можно у вас дождь переждать, и кофе выпить.

– Нужно, – ответил я, обрадовавшись новому посетителю.

– Отлично, – он смахнул ладонью дождевую воду с коротко стриженных светлых волос и прошел к стойке.

Даже когда парень подошел ближе и встал по его правую руку, Мик, не заботясь, что поведение его не тактично, продолжал внимательно смотреть на незнакомца, как мне показалось с недоверием. Словно неурочным визитом тот нарушил его личное пространство.

– Не возражаешь? – обратился парень к Мику, отодвигая стул.

– Нисколько, – ответил тот, и наконец, отвел взгляд.

Помню, он заказал чашку черного кофе без сахара и сливок, тут же Мик попросил повторить ему водку и пиво. Первое впечатление о Перри мне запомнилось. В нем был какой-то странный магнетизм. Какое-то природное обаяние исходило от него, в нем чувствовалось что-то до боли знакомое и искреннее. Мне почему-то сразу показалось, что передо мной не простой человек, но и не тот, кто будет усложнять жизнь другим. Взгляд его голубых глаз: он был каким-то по-детски наивным, и в то же время, не возникало ни малейшего сомнения, что передо мной сидит взрослый и умный человек. Забавным было вот еще что: Мик генерировал вокруг себя тяжелый мрак, к которому не возникало желания прикоснуться, а напротив, хотелось держаться от него подальше. Так вот, в этом парне тоже чувствовалось что-то тяжелое, что-то невероятно мощное и... тоже мрачное. Но это «что-то» не ломало его волю, не выходило за грань сознания, не конфликтовало с его личностью, – как было в случае с Миком. Вообще, чем-то они были чертовски похожи. Разница была в том, что внутренний мир Мика управлял им, а второй парень полностью контролировал свой мир.

Вот так, я оказался рядом с двумя огнями, в тот вечер, когда судьба свела вместе этих двух странных парней. Новоприбывший так же не пользовался зонтом: его светлые джинсы прилипали к ногам, клетчатая черно-белая футболка и легкая ветровка, которую он повесил на спинку стула, тоже были мокрыми. Но опять же! Если промокшая одежда и волосы добавляли в образ Мика что-то зловещее, то в образ рядом сидящего молодого человека они добавляли что-то привлекательное. Один угрюмый и депрессивный, запрокидывающий рюмку за рюмкой, второй улыбчивый и обаятельный, неспешно потягивающий кофе – просто «ангелы и демоны» наполняли в тот вечер «Туман», концентрируясь вокруг своих покровителей.

Мик больше не смотрел на незнакомца, который таким наглым образом ворвался в его личное пространство. Выпив третью рюмку водки, он вновь погрузился в свои мысли.

– Подходящее название бара в данной ситуации, – усмехнулся парень, когда я поставил перед ним чашку.

Я хотел согласиться, но Мик опередил меня и усмехнулся.

– Забавно, кстати. Половину контингента баров составляют одинокие и депрессивные люди, но о них никто никогда не заботится. Почему нет баров с названиями «Крик отчаяния», например? «Ад одиночества»? Отлично же звучит, а? «Все будет еще хуже» – вообще идеально!

Все коротко посмеялись.

– Ага, – подхватил парень, – заходишь в бар, просишь выпить, а бармен тебе: «Дружище, тебе не кажется, что тебе пора уже о самоубийстве задуматься, а? Будущего у тебя, все равно, нет. Ты ведь полное ничтожество». И подобные разговоры весь вечер.

– В туалете петля с потолка свисает, на раковине лезвие лежит, – продолжал Мик.

– На стенах в рамках вырезки из газет на темы страха, одиночества и депрессии.

– Любый желающий может выйти на сцену и рассказать о том, как он достиг полнейшего социального дна, – говорил я. – Или, как он настойчиво туда стремится.

– Да уж, это было бы весело, если бы не было грустно, – подытожил незнакомец.

– Да не так уж и грустно, – ответил Мик. – Правильнее сказать – не важно.

– Наверное, – согласился парень. – Маленький, локальный ад ни в коем случае не должен нарушать общую гармонию этого мира.

На пять секунд воцарилась тишина. Мик сверлил подозрительным взглядом незнакомца, вероятно, осмысливая его слова. И вдруг расхохотался, просто залился неистовым хохотом,

откинувшись на спинку стула и запрокинув назад голову. Смеялся он, казалось, не искренне, а цинично, недоверчиво, смеялся не столько над ответом, сколько над самим собеседником. Смеялся секунд пятнадцать, после чего громко выдохнул, повел головой и, посмотрев на удивленного парня, сказал:

– Это поразительно. Мик Флеминг, – и протянул незнакомцу руку.

Парень смерил Мика мрачным взглядом, говорившим: «Ты выглядишь глупо, дружок», и пожал ему руку.

– Перри Пейдж, – ответил он, и после пожатия протянул руку мне.

– Тони, – представился я. – Очень приятно.

– Я, почему засмеялся, – говорил Мик, повернувшись к Перри вполборота. – Потому что, как мне кажется, каждый такой маленький локальный ад больше всего стремится именно к тому, чтобы разрушить всеобщую гармонию. Не так ли? Можно сколько угодно говорить о добре и любви, но в итоге, все сводится к тому, что добро и любовь способны существовать только в условиях ада – пусть даже маленького и локального.

– И что же тут смешного? – спросил Перри, тем не менее, улыбнувшись.

– Ну, как же?! Резонно предположить, что настоящий ад похож на маленький ад. А значит, Данте нас всех обманул!

Признаться, я не помню, чтобы Мик так много говорил в один вечер в течение последних двух лет. Другое дело, что говорил он словно с презрением.

– В чем именно? – спросил Перри

– Входящие, оставьте упования! Ложь! Потому что, выходит, что в аду нас будут ждать океаны любви и добра. Но от этого не легче. Ведь любая страсть – это истинное страдание.

Циничная философия Мика вызвала у меня сомнения в уместности улыбки. Тем не менее, Перри продолжал улыбаться, и его улыбка выглядела гармонично.

– Мне кажется, ты не вполне понимаешь серьезность вещей, о которых говоришь, – произнес Перри, и в глазах Мика я заметил короткую вспышку агрессии.

– Да ну?! – он сказал эту короткую фразу так, что в ней ясно было слышно: «Ты учить меня вздумал?»

– Ага. Настоящий ад несколько не похож на маленький локальный ад.

– Почему же?

– Потому что добро и любовь красиво существуют только в маленьком локальном аду. А в полноценном аду не продохнешь от того удушливого чада, который родят добрые и любвеобильные души, собравшиеся вместе, чтобы перестрадать одна другую.

– И какой же тогда полноценный ад? – в голосе Мика чувствовалась насмешка. – Мне просто хочется быть максимально готовым к тому, что ждет меня в аду. Я, черт возьми, не особо люблю новые места подобного рода.

– Пестрящий твоими самыми сокровенными страхами.

– С чего вы вообще взяли, что любовь и добро делают из жизни человека ад? – спросил я. Мик и Перри не обратили внимания на мой вопрос, и я понял, что выпал из беседы.

– Тогда к черту добро и любовь! – воскликнул Мик, залпом осушил полбокала пива и жестом попросил меня о четвертом повторе.

– А что нам тогда останется? – Перри был спокойнее Мика, возможно, потому, что не пил. – Вера? Надежда? А на что тогда надеяться? Во что верить?

– Вот в этом и дело! Человек должен понять, что у него нет ровным счетом ничего!

– Да! Но почему же тогда, абсолютное большинство людей, не раздумывая, отвечают, что жизнь все-таки стоит того, чтобы ее прожить?

– Потому что они верят в добро и любовь. Считают, что ради них действительно стоит жить.

– А ты так не считаешь?

– Нет. Любовь и добро не заслуживают человеческого страдания. Ты считаешь по-другому?

– Разумеется. Я считаю, что любовь и добро, как раз, оправдывают любую жертву. Абсолютно любую.

– Пусть будет по-твоему, – произнес Мик, и выпил водку. – То есть любую? – спросил он через полминуты тишины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.